

Ярослав Бутаков

БРЕСТСКИЙ МИР

**Ловушка Ленина
для кайзеровской
Германии**

16+

Ярослав Бутаков

**Брестский мир: ловушка Ленина
для кайзеровской Германии**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Бутаков Я. А.

Брестский мир: ловушка Ленина для кайзеровской Германии /
Я. А. Бутаков — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-532-03893-6

Основная сюжетная линия – возникновение, ход и итог революции 1917 года на фоне всемирной катастрофы. Гражданская война в России стала неизбежной задолго до прихода большевиков к власти, по причине близорукой и эгоистичной политики либеральной элиты, устранившей царя. В обстановке развала государства и армии любое российское правительство, оказавшееся на месте большевиков, было бы вынуждено заключить сепаратный мир с Германией. Для России он не имел долгих пагубных последствий. Зато революционное разложение немецкой армии, оккупировавшей западные области России, ускорило падение кайзеровского режима и поражение Германии в Первой мировой войне.

ISBN 978-5-532-03893-6

© Бутаков Я. А., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Введение	5
Глава первая	10
Так начиналась война	10
Без поражений не бывает побед	15
«Крест на святую Софию!»	18
На Берлин?	23
Рухнувшая надежда на «братьев-славян»	26
Великое отступление	31
Неадекватная реакция	36
Попытка коренного перелома	40
Антанта и Россия	45
Глава вторая	51
Царь и элита	51
Непризнанный стратег	56
Политиканствующий класс	61
Элита и народ	64
Самодержавие под ударом	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Введение

Как отечественная война превратилась в «империалистическую» и гражданскую?

Летом 1914 года вспыхнула война, по масштабам и числу жертв не имевшая прецедента в истории человечества – Первая мировая. Во многих странах Европы стоят памятники ее солдатам. В России же как-то не было принято вспоминать о ней. А если и вспоминали, то обычно в связи с другими событиями, наложившимися на нее – революцией 1917 года и гражданской войной. В памяти многих поколений наших соотечественников к этой войне оказался прочно приклеен ярлык «империалистической».

Между тем война 1914 года была поначалу воспринята в российском обществе как Отечественная. Вторая Отечественная война. Это в ее первые дни Николай Гумилев написал известные вдохновенные строки:

*...И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.
Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови...*

И пошел добровольцем на фронт.

«В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшись как один человек, дерзкий натиск врага», – набатом разносились по России слова царского манифеста от 20 июля 1914 г.¹, на следующий день после объявления Германией войны России.

Ведь никогда прежде, даже в приснопамятный год нашествия Наполеона, столь грозная и неодолимая сила не надвигалась на Россию с Запада.

Призывные пункты в городах осаждались студентами и лицами интеллигентных профессий, имевшими бронь от службы в армии. Чиновники военного министерства Российской империи изумлялись: явка призывников превысила запланированную на 15%²! Дело в том, что, учитывая широко разлитые антиправительственные настроения в обществе, оборонное ведомство в своих расчетах исходило из ожидания большого некомплекта при проведении мобилизации.

Патриотические настроения даже перехлестнули через край. Толпы возбужденных подданных русского царя разгромили посольство Германии в Петербурге. Справедливости ради нужно отметить, что это произошло уже после отъезда германского посла и только после того, как культурные бюргеры едва не растерзали уезжающего русского посла на улицах Берлина. Сам Петербург из-за его «немецкого» названия был переименован на русский лад в Петроград.

На время проведения мобилизации был объявлен «сухой закон»: христоробивому воинству подобало идти на поле брани с трезвыми помыслами и с молитвой в сердце...

Почему же спустя три года те же самые воины, все это время изумлявшие мир своими героическими подвигами, стали массами дезертировать с фронта? «Штык в землю!», «до нас,

¹ Здесь и далее по старому стилю, отстающему от нового на 13 дней (в скобках иногда указывается дата по новому стилю), указываются все даты до 31 января (13 февраля) 1918 года включительно.

² А.А. Керсновский. История русской армии. М., 1999. С.494.

тамбовских (курских, рязанских) немец не дойдет!», – такие настроения стали преобладать у тех, кто совсем недавно был готов отдать свою жизнь за православную веру, царя и Отечество. Правда, царя не стало, вера поколебалась, но как быть с Отечеством, которое, как известно, не выбирают?...

Произошедшая с русским народом внешняя метаморфоза настолько поразила современников, что многие из них отказывались признавать в этом народе свою плоть от плоти и кровь от крови. «Какие мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышинные волосы! ... Сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья – сколько их, этих атавистических особей», – таким виделся народ в эти «окаянные дни» писателю Ивану Бунину. Народ платил таким, как он, той же монетой, время от времени воплощая призывы «вспарывать животы буржуйам» в конкретные действия...

Тем, кто ждет от автора чего-то вроде саги о гибели святой Руси от рук вражеских наймитов-большевиков, рекомендую закрыть книгу, ибо дальше их ждет разочарование. Точно также будут разочарованы и те, кто хотел бы в событиях 1917–1918 гг. видеть одно лишь справедливое восстание угнетенных против многовековой эксплуатации. Была и гибель ценностей, на которых столетиями зиждилась Россия. Было и восстание бедных классов населения – «кто был ничем», хотел «стать всем». Но самое главное в тех событиях – что Россия осталась жить. Что русский народ – главное действующее лицо нашей истории – отстоял и отстроил заново это государство. Это несмотря на то, что опасность, грозившая самому существованию России, была в те годы самой сильной в XX веке. Сильнее даже, чем в 1941–1942 гг.

Понимания этой сути происходившего не достаёт многим пишущим ныне о российской революции. Между тем именно это должно представляться самой главной загадкой – не то, как Россия в 1917–1918 гг. очутилась в пропасти, но то, как она выкарабкалась из нее. И не просто выкарабкалась, но и в течение XX века достигла небывалого прежде развития производительных сил, внутреннего благосостояния и внешнего могущества. Правда, современному читателю все эти эпитеты в отношении России могут казаться издевкой над ее нынешним положением. Но это быль, и лет 25–30 назад мало кто усомнился бы в справедливости вышеприведенной оценки.

Феномен России XX века невозможно понять, не уяснив феномена российской революции во всей его сложности и многообразии.

До сих пор именно революция 1917 года не позволяет многим, причем по разным основаниям, считать Первую мировую войну Отечественной для России. После 1945 года мы усвоили, что Отечественная война обязательно должна заканчиваться триумфальным вступлением наших войск в столицу поверженного противника. Но давайте представим на минуту, что в 1812 году русское воинство, изгнав Наполеона за пределы нашего Отечества, остановилось бы на границе (как и советовал мудрый старец Кутузов), а не погналось за ним дальше по всей Европе. Разве от этого война 1812 года перестала бы быть для нас Отечественной войной?!

Наши казаки еще напоят своих коней водами Шпрее и Голубого Дуная в 1945 году! Тогда же, в 1914–1918 гг., этот исторический момент оказался просто отсрочен. А то, что в итоге над рейхстагом взвилось не бело-сине-красное полотнище с двуглавым орлом, а красное знамя с серпом и молотом – не повод посыпать себе голову пеплом даже русскому монархисту, если он, прежде всего, русский патриот!

Да и верна ли та схема, в которой мы привыкли рассматривать события Первой мировой войны? Брестский мир, который назвали «похабным» сами же подписавшие его большевики, они же расценили как «революционный выход России из империалистической войны». Но так ли это на самом деле? Ведь с подписанием Брестского мира 3 марта 1918 г. война России с внешними врагами не закончилась! Сфера оккупации России войсками Германии и ее союзников продолжала расширяться вплоть до осени 1918 года. А зимой 1918/19 г. уже Красная

армия шла на Запад, гоня перед собой разложившиеся германские войска! А интервенция в России ее бывших союзников по Антанте? Ведь это – тоже логическое продолжение Мировой войны, глобального геополитического противоборства! А война с Пилсудским – ставленником двух кайзеров (германского и австрийского)? Ведь он ставил целью завоевание Польшей Белоруссии и пол-Украины. Разве мы не вправе рассматривать эту войну как часть той же Отечественной? Она закончилась, таким образом, только осенью 1920 г., длившись в общей сложности шесть лет и три месяца.

Брестский мир считается кульминационным моментом, выразившим отношение пришедших к власти большевиков к национальным интересам России. Если судить по внешним формальным признакам, это отношение оказалось сугубо отрицательным. Россия потеряла значительную территорию и уплатила врагу крупную контрибуцию. Эти факты общеизвестны. Но достаточно ли их, чтобы делать вывод о враждебности политики большевиков интересам России, тем более – о «национальном предательстве» большевиков?

Часто повторяют пущенную кем-то фразу: «История не имеет сослагательного наклонения». Но никто так и не сумел пока убедительно объяснить: а почему, собственно?... Между тем, мы имеем мнения двух авторитетных представителей русской мысли, которые считали метод исторических альтернатив допустимым методом познания истории.

Александр Иванович Герцен в работе «О развитии революционных идей в России» (1851) писал: «Мы не видим причины, оставаясь в пределах свершившихся фактов, отбрасывать без рассмотрения все, что кажется нам правдоподобным ... Ход истории далеко не так предопределен, как обычно думают»³. Василий Осипович Ключевский записал в дневник (25 февраля 1903): «Явления человеческого общежития регулируются законом достаточного основания, допускающим ход дел и так, и эдак, и по-третьему, т.е. случайно»⁴.

Метод исторических альтернатив позволяет объективно оценить, что на самом деле человечество выиграло и проиграло в результате тех или иных событий. Он не раз пригодится нам в этой книге. А сейчас позволительно задать вопрос критикам большевиков в связи с подписанием теми Брестского договора: какие у них были реальные альтернативы этому шагу?

Испокон веков повелось: страна, побежденная в войне, вынуждена заключать мир ценой уступок. Это аксиома. Точно также она верна для страны, действующая армия которой по каким-то причинам утратила боеспособность. В этих условиях продолжение войны может стать для страны более губительным, чем заключение мира любой ценой. Ибо во втором случае страна теряет только часть территории и суверенитета. В первом же – теряет жизни людей, не спасая в конечном итоге территорию и суверенитет.

Суровые обличители большевиков в «национальном предательстве» исходят, очевидно, из того, что в 1918 году Русская армия, разложенная либеральными экспериментами Временного правительства, деморализованная раздававшимися с марта 1917 г. обещаниями скорого мира, могла продолжать войну. Такой взгляд трудно назвать мягче, чем слепым. Для человека, который попытается добросовестно вникнуть в обстановку того времени, не останется сомнений, что, если бы осенью 1917 года большевики не пришли к власти, любому российскому правительству на их месте тоже пришлось бы заключать «похабный» мир с врагом.

Эти же обличители, вероятно, считают, что если бы Россия каким-то образом удержалась в числе формально воюющих стран до победы союзников, последние допустили бы Россию к участию в мирной конференции в качестве полноправной победительницы и удовлетворили все ее притязания. Анализ всей политики держав Антанты по отношению к России в 1914–1919 гг. не позволяет этого предполагать. Позиции государств на послевоенной конференции определялись их реальным соотношением сил. Ослабленная Россия была бы допущена к «пиру

³ А.И. Герцен. Соч. в 30 т. М., 1956. Т.7. С.160-161.

⁴ В.О. Ключевский. Соч. в 9 т. М., 1990. Т.9. С.325.

победителей» в лучшем случае на правах третьестепенного члена Антанты – как Китай, Португалия или Греция (ниже даже, чем Сербия и Румыния, не говоря уже об Италии и Японии!).

Не принято предварять книгу какими-то определенными выводами. Обычно они следует в конце как итог рассуждений. Однако про Брестский мир сложено столько историографических мифов, высказано столько предвзятых мнений, что необходимо уже в самом начале внести ясность по ряду вопросов.

Во-первых, **действие Брестского мира оказалось крайне ограниченным во времени и не имело далеко идущих геополитических последствий для России**. 11 ноября 1918 года Германия, в которой разразилась революция, подписала капитуляцию на Западном фронте, а 13 ноября, всего через восемь месяцев после заключения Брестского договора, ВЦИК⁵ Советов аннулировал его действие. В результате событий гражданской войны и иностранной интервенции 1918–1920 гг. Россия утратила часть территорий на западе. Но эти территории достались отнюдь не Германии и ее прежним союзникам, а новым независимым государствам, образовавшимся на окраинах Российской империи с помощью держав Антанты, то есть бывших союзников России.

Во-вторых, **Советская Россия не соблюдала ряд существенных положений Брестского договора**. Прежде всего, это относится к обязательству провести полную демобилизацию своих вооруженных сил, установленному 5-й статьей Брестского договора. Понятно, что Германия смотрела сквозь пальцы на существование Красной армии, так как последняя в каком-то смысле служила буфером на Востоке между Германией и интервенционистскими войсками Антанты в России. Тем не менее, это было серьезным отступлением от буквы мирного соглашения. Точно также Советская Россия очевидно для всех нарушала 2-ю статью Брестского договора, запрещавшую сторонам вести всякую агитацию и пропаганду друг против друга. Большевики ни на одну секунду не отказывались от намерения разжечь пламя революции в Германии, в чем и преуспели. В нарушении Брестского договора в указанном смысле публично признавался сам Ленин⁶.

В-третьих, **Брестский договор провозглашал отказ от всяких контрибуций и репараций** (статья 9 договора). Контрибуция явилась следствием новых политических условий, возникших летом 1918 г. и вынудивших Советскую Россию срочно предотвращать угрозу германского вторжения. Таким предотвращением и стало соглашение о контрибуции. В счет ее большевики, однако, до падения кайзеровского режима в Германии, успели выплатить лишь незначительную часть. Подробнее этот вопрос будет освещен в соответствующем месте книги.

С началом Первой мировой войны Ленин призывал рабочих и солдат превратить войну «империалистическую» в войну гражданскую. Это тоже якобы «уличает» вождя большевиков в «национальной измене». Однако давайте сразу учтем то, что он призывал к этому рабочих и солдат не одной лишь России, но всех воевавших стран. А его прогноз о том, что мировая война будет иметь своим весьма вероятным следствием гражданскую войну в России, как мы увидим, в своих важнейших чертах не отличался от предсказания такого консервативного политического деятеля, как бывший царский министр Петр Николаевич Дурново! Однако пока никто не додумался обвинять задним числом в государственной измене П. Н. Дурново.

Вообще же, в том, что касается девальвации в массе русского народа в 1917 году патристических ценностей, необходимо иметь ввиду два важных момента. Первый – в сознании элитных групп российского общества эти ценности были девальвированы ничуть не меньше. Свидетельств этому читатель найдет достаточно на страницах этой книги. Второй – в том, что российская элита (как власть предрежащие слуги государевы, так и либеральные «властители

⁵ Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

⁶ В.И. Ленин. ПСС. Т.37. С.150.

дум») за три года так и не сумела внушить своему народу сознание патриотического характера войны, виновата лишь сама эта элита и никто кроме нее.

Первая мировая война стала серьезным испытанием старой российской элиты на соответствие национальным задачам. И она, элита, этот исторический экзамен с треском провалила.

Этот очевиднейший факт, который, можно сказать, вопиет о себе буквально в каждом событии Первой мировой войны, связанном с Россией, должно делать отправной точкой всех исследований и рассуждений о данной эпохе. Иначе приступать к ее изучению нет никакого смысла – понять в ней что-либо будет решительно невозможно.

Глава первая

Россия в великой войне

Так начиналась война

Почти неизбежная угроза большой войны, в которую так или иначе окажутся втянуты все великие державы, довлекла над сознанием европейских политиков с конца XIX столетия. Про грянувшую летом 1914 года войну (ее почти сразу окрестили Великой во всех странах) можно уверенно сказать, что в том виде, в каком она разразилась, ее не хотел никто. Тем не менее, то, чего все так долго опасались, в одночасье стало свершившимся фактом.

Стержнем трагических для всего человечества событий первой половины XX века стало то, что две крупнейшие европейские нации – русская и немецкая – дважды схлестнулись между собой в смертельной схватке. И вряд ли случайно то обстоятельство, что в обоих случаях это произошло, когда во главе германского правительства стояли канцлеры-англофилы: в первом – Теобальд Бетман-Гольвег, во втором – Адольф Гитлер.

Первой мировой войне предшествовал совершенно уникальный столетний период мира на западных границах России. После изгнания армии Наполеона из России в 1812 году внешний враг не переходил их. Непосредственное соседство России с двумя великими немецкими государствами – Пруссией (с 1871 г. – Германской империей) и Австрией (с 1867 г. – Австро-Венгрией) – было важным фактором сохранения геополитического равновесия и стабильности в Европе. Отношения между тремя континентальными империями бывали далеки от безоблачных, но на границах между ними мир не нарушался целых сто лет! Тем более страшен оказался контраст между тем, что было, и тем, что стало...

Первая мировая война разразилась именно в тот момент, когда Россия как сухопутная держава оказалась изолирована от всех своих союзников, и это вряд ли стало случайным совпадением. Исходя из этого факта, можно было бы оценивать как неудачную всю внешнюю политику русского царя Николая II. Однако была ли у него объективная возможность альтернативной политики? В этой книге не ставится задача ответить на этот вопрос в общем – это предмет отдельного исследования. Что же касается конкретных обстоятельств вовлечения России в войну, то у Николая II просто не оставалось другого выхода.

Однако, уже более 90 лет в школах и университетах Германии подается четкая схема начала Первой мировой войны. Она, как заправский инквизиционный процесс, строго основана на системе формальных доказательств. Согласно ей, мировую бойню развязали Сербия и Россия. Почему? Неважно, что Австро-Венгрия первой объявила войну Сербии, а Германия России. Со стороны немецких империй это были акты самозащиты. Ведь кто первая объявила всеобщую мобилизацию – Германия или Россия? Верно, Россия. Против Австро-Венгрии. Германия была должна защитить свою союзницу. Россия оправдывалась тем, что защищает Сербию от Австро-Венгрии. Однако, на самом деле, это Сербия угрожала безопасности Австро-Венгрии. Ведь наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд был убит сербским террористом. Все четко.

Не исключено, что в 2014 году, когда будет отмечаться столетие начала войны, эта схема будет превращена в политическое оружие. Ведь в преддверии 70-летия начала Второй мировой войны, в 2009 году, ПАСЕ приняла резолюцию, согласно которой «сталинский» режим был объявлен таким же виновником этой войны, как и режим гитлеровский. Ну, а на кого возложить ответственность за развязывание Первой мировой войны?

Теперь, разумеется, на Западе уже не вспомнят, что именно английский премьер-министр лорд Герберт Асквит собирался предать германского кайзера Вильгельма II суду Гаагского трибунала (созданного в 1907 году, кстати, по инициативе русского царя Николая II) за нарушение нейтралитета Бельгии, газовые атаки, «неограниченную подводную войну», убийства пленных и другие военные преступления. Не вспомнят и об агрессивных целях кайзеровской Германии в отношении России.

Между тем, пангерманисты с 80-х гг. XIX в. строили планы расчленения России. Геополитик Э. Гартманн, писавший в журнале «Die Gegenwart», предлагал выделить из России «Балтийское» и «Киевское» «королевства». Их очертания удивительно напоминают рейхскомиссарии Остланд и Украина, созданные нацистами в 1942 году. В 1914 г. кайзеру Вильгельму II был представлен т.н. меморандум Класа – Гугенберга⁷, который рекомендовал очистить от туземного населения Прибалтику, Белоруссию и Великороссию к западу от линии Петроград – Смоленск для расселения там немцев. Летом 1915 года 1347 немецких профессоров различных политических убеждений – от правоконсервативных до социал-демократических – на съезде в Берлине подписали меморандум правительству, в котором обосновывалась программа территориальных захватов, оттеснения России на восток аж за Урал (!), немецкой колонизации на захваченных русских землях⁸. Разве мы не имеем права назвать их идейными предтечами Гитлера в кайзеровской Германии?!

За считанные месяцы до начала Первой мировой войны ее будущий прославленный русский полководец Алексей Брусилов отдыхал на курорте Бад-Киссинген в Северной Баварии. В один из дней его поразила такая картина:

«Весь парк и окрестные горы были великолепно убраны флагами, гирляндами, транспарантами. Музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окруженная цветниками, была застроена прекрасными декорациями, изображавшими московский Кремль, его церкви, стены и башни. На первом плане возвышался Василий Блаженный ... Начался грандиозный фейерверк с пальбой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших “Боже, царя храни” и “Коль славен”⁹ ... Вскоре масса искр и огней с треском, напоминавшим пушечную пальбу, рассыпаясь со всех гор на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренились и валились наземь. Все горело под торжественные звуки увертюры Чайковского “12-й год” ... Немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не стало пределов, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей, под грохот апофеоза фейерверка, загремела немецкий национальный гимн»¹⁰.

Разве все это не сродни факельным шествиям нацистов? Бывший в 1914 году министром иностранных дел России С. Д. Сазонов предупреждал: «Невероятная способность самообо-льщения, которою обладает германский народ и от которой его не спасает высокая степень культурного развития, должна быть, очевидно, поставлена на счет его особой психологии, являющейся первостепенным политическим фактором, с которым и впредь будут вынуждены считаться его соседи во всех своих сношениях с Германиею и которому до сих пор не придавали должного внимания»¹¹. Через шесть лет после того, как были написаны эти строки, к власти в Германии пришел Гитлер...

⁷ Ф.И. Нотович. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914-1918 гг. М., 1947. С.20-21.

⁸ Н.Н. Яковлев. 1 августа 1914. М., 1993. С.175.

⁹ Популярный в старой России гимн «Коль славен наш Господь в Сионе». Куранты Спасской башни Московского Кремля играли его до весны 1918 года.

¹⁰ А.А. Брусилов. Мои воспоминания. Минск, 2003. С.56-57.

¹¹ С.Д. Сазонов. Воспоминания. Париж, 1927 (репринт: М., 1991). С.263.

Но нет, «виновники войны», как обычно, будут найдены на другой стороне Европы! При этом не исключено, что устроители очередной резолюции ПАСЕ вытащат на свет изжеванный тезис о царской России как о «тюрьме народов». Империю Габсбургов же объявят таким прототипом нынешнего Евросоюза, а Сербию – тогдашним «гнездом международного терроризма». «Кровавым тоталитарным диктатором», угрожавшим всему миру, огласят, конечно же, русского царя Николая II. Благо «прогрессивная историография» за 100 лет подготовила для этого богатую почву.

Однако, было бы неверно представлять дело и так, что Россия в 1914 году подверглась неспровоцированному «вероломному» нападению. Слов нет, российские власти сделали все, чтобы предотвратить войну без урона для чести и достоинства государства. Но что означают сии понятия? Их рамки всегда расплывчаты.

Проявления шовинизма перед войной были нередкими и в России. Под высочайшим покровительством выпускались квази-исторические труды, в которых красной нитью проходила идея о «германстве» как «вековом враге славянства»¹². Уже 13 июля 1914 г., когда стало известно о неприемлемом для Сербии ультиматуме, предъявленном ей Австро-Венгрией, многотысячная толпа заперла улицы Петербурга. Всюду превалировал лозунг «Да здравствует война!»¹³ На следующий день восторженную статью об этой манифестации и грядущей войне писал официоз «Новое Время». Нет, язык не повернется назвать эту столичную русскую публику миролюбивой! А могла ли власть при таких общественных настроениях принимать только разумные и взвешенные решения?!

Когда нападение Австро-Венгрии на Сербию стало фактом, Николай II недолго выбирал между всеобщей и частичной мобилизацией Русской армии. Частичная мобилизация путала разработанные военные планы, поэтому военный министр В. А. Сухомлинов и начальник Главного штаба Н. Н. Янушкевич настаивали на объявлении всеобщей мобилизации. Было бы, однако, неверно приписывать окончательное решение государя только влиянию военных специалистов. Николай II был, похоже, прав, если рассудил, что и частичная мобилизация может быть воспринята Германией как желательный *casus belli* в отношении России, а откладывание всеобщей мобилизации только ухудшит стратегическое положение России в надвигающейся войне.

За полгода до этого, в феврале 1914 г. бывший министр П. Н. Дурново направил царю памятную записку, в которой откровенно высказал свой взгляд на то, чем грозит России участие в большой европейской войне. В литературе нередко приводят ту часть этой записки, которая прямо-таки потрясает своим почти совершенно точным пророчеством всего того, что случилось с Россией впоследствии:

«Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам. Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием на Берлин. Неизбежны и военные неудачи, ... неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении. При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение. Начнется с того, что все неудачи будут приписывать правительству. В законодательных учреждениях начнется кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, ... сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ ... Армия, лишившаяся за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка ... Лишенные действительного авторитета в

¹² См., напр.: А. Нечволодов. Сказания о Русской земле. В 4 кн. М., 1913.

¹³ С.С. Ольденбург. Царствование императора Николая II. В 2 т. Белград, 1939 (репринт: М., 1992). Т.2. С.145.

глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению...»¹⁴.

Помнил ли Николай II о предостережениях Дурново? Всегда. Мог ли он в июле 1914 года поступить иначе? На этот вопрос, по всей совокупности данных, ответ однозначно отрицательный.

Предположим, что царь не вступился бы за Сербию, угрожаемую Австро-Венгрией. Что было бы тогда? Нетрудно представить, что это сразу вызвало бы волну общественного негодования, разжигаемого врагами режима под благопристойными патриотическими лозунгами. В роли тарана против самодержавия, как и в 1905 году, выступил бы рабочий класс. А здесь необходимо учесть то, что он в 1914 году находился на пороге новой революции! За первое полугодие 1914 года в России бастовало под политическими лозунгами больше рабочих, чем за тот же период революционного 1905 года! В июле 1914 года в Петербурге уже возводились баррикады. Недалеко было и до вооруженного восстания. Обстановка была крайне накалена.

И чтобы в этих условиях власть подала для общественного недовольства повод, перед которым померк бы позор сдачи Порт-Артура в декабре 1904 г.?! Летом 1914 года война должна была представляться элите Российской империи средством спасения от надвигающейся новой революции. Нет, имперская элита не забыла предостережений своих дальновидных представителей (П. А. Столыпин ещё в 1909 г. выдвигал необходимым условием успешного преобразования России «20 лет покоя»). Однако летом 1914 г. нужно было срочно спасать горящее здание монархии. Перенаправить общественную энергию с внутреннего врага – самодержавия – на внешнего казалось единственным выходом в сложившейся политической обстановке. Тогда угроза революции временно отодвигалась, становилась неактуальной. Тем более, что война начиналась как патриотическая, Отечественная.

«Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все Наши подданные», – говорилось в царском манифесте от 20 июля. И свершилось чудо! Баррикады с улиц столицы исчезли, рабочие встали к станкам, студенты сменили красные флаги на бело-сине-красные и, вместо драк с полицией, ринулись записываться добровольцами на фронт.

Если бы не война, 1914 год мог стать последним для самодержавия. Николай II совершенно сознательно принял вызов на войну, потому что этот шаг в тот момент представлялся единственно возможным для монархии. Ближайшие последствия показали правильность этого шага. Прочие же последствия должны были сказаться не сразу. А потом – как знать? Быть может, Господь дарует русским знаменам победу, как бывало уже много раз? Ведь русское воинство бьется за правое дело... И тогда самодержавие увенчает себя ореолом победы в самой большой войне, какую когда-либо вела Россия, и станет трудно уязвимым для внутренних врагов.

Наличие мощных союзников – Англии и Франции – позволяло уверенно рассчитывать на то, что война не будет проиграна. 23 августа (5 сентября) три державы Согласия (Антанты) подписали соглашение, по которому обязались не вести сепаратных мирных переговоров. Правда, Россия не имела со своими союзниками прямой связи. Кратчайший путь вел через проливы Босфор и Дарданеллы, но он был вскоре перекрыт врагами. Германия и Австро-Венгрия составляли единое геополитическое целое, а затем к нему примкнула и Турция. Нейтральные (пока) Румыния и Болгария отрезали Сербию от России, поэтому непосредственной

¹⁴ Цит. по: В.В. Кожин. Россия. Век XX. 1901-1939. М., 1999. С.30.

помощи своей балканской союзнице Россия оказать не могла, как и не могла через нее поддерживать связь с союзниками.

На суше у России было три врага – Германия, Австро-Венгрия и Турция, тогда как на Западе у Франции и Англии вместе взятых была лишь одна Германия. Это с самого начала придало коалиционной войне Антанты асимметричный облик, невыгодный для России.

Без поражений не бывает побед

В августе 1914 года Россия пережила нечто непостижимое, подобного чему она не испытывала больше двух столетий со времен Нарвской «конфузии» 1700 года! Под Танненбергом в Восточной Пруссии были окружены и пленены два русских корпуса.

Великая Российская держава была веками приучена к победам. Неудача в войне с Наполеоном в 1805–1807 гг. была с лихвой искуплена громкими победами над ним в 1812–1814 гг. Поражения в Крымской (1853–1856) и Японской (1904–1905) войнах воспринимались как неслыханный национальный позор и имели самые крутые последствия для внутренней жизни России. Армия Российской империи почти всегда воевала малой кровью где-то на чужой территории. К этому в России привыкли как к чему-то само собой разумеющемуся.

В отличие от России, ни одна великая европейская держава (кроме островной Англии) не избежала в XIX веке крупных военных поражений, сопровождавшихся потерей суверенитета и вражеской оккупацией. Франция была полностью оккупирована врагами в 1814–1818 гг. В 1870–1871 гг. значительная часть ее территории снова была оккупирована, и Франция была вынуждена заключить мир ценой уступки очень важных областей. Пруссия была разгромлена и целиком оккупирована врагом в 1806–1813 гг. Австрия пять раз в XIX веке была полностью сокрушена на поле боя: в 1800, 1805, 1809, 1859, 1866 гг.¹⁵ При этом победоносные армии врагов дважды вступали в Вену. Поэтому и врагам, и союзникам России было легче, чем ей, настроиться на долгую войну, в которой неизбежны неудачи.

Согласно секретной договоренности между французским и русским Главными штабами, Русская армия должна была перейти в наступление против Германии не позднее 15 дней после объявления войны. Принимая на себя такое обязательство, русские военные руководители должны были отдавать себе отчет в том, что такое наступление будет проводиться армией, еще недостаточно отмобилизованной и с необеспеченными тылами. После Первой мировой войны и до сих пор нет недостатка в упреках русскому Верховному командованию, которое, согласившись на требования французского командования, обрекло тем самым русские войска на поражение.

Однако эти упреки неосновательны. Чтобы отсутствие альтернатив у русского командования стало наглядным, давайте проанализируем обстановку, сложившуюся на фронтах в первый же месяц Мировой войны.

Германия, обоснованно считавшая, что не выдержит долгой войны на два фронта – сразу против Франции и против России – делала ставку на молниеносный разгром Франции. Почему именно Франции, а не России? Потому что это казалось легче. Трудность (если не невозможность) полного разгрома России была доказана кампанией Наполеона. Во всяком случае, из-за огромных расстояний кампания против России должна была растянуться не на один месяц.

Совсем иное дело – Франция. Маленькие европейские расстояния, на которых, к тому же, проложены превосходные европейские дороги. В 1870 году прусская армия уже доходила до Парижа. Тогда на разгром французской армии и преодоление расстояния от границы потребовалось всего полтора месяца. Теперь железных дорог стало больше, сами они сделались лучше, вдобавок появились автомобили, поэтому германские стратеги рассчитывали совершить фланговый марш-маневр через незащищенную территорию Бельгии и выйти к Парижу еще быстрее.

План Шлиффена (начальника германского Генштаба в 1891–1906 гг., разработавшего этот план) осуществлялся с немецкой методичностью. Пройдя Бельгию и разгромив в Арденнском сражении французскую армию, германские войска победным маршем шли на Париж,

¹⁵ Можно добавить сюда еще 1848–1849 гг., когда австрийская армия была неоднократно бита венгерскими инсургентами. Австрия была спасена от распада только интервенцией русских войск по приглашению австрийского императора.

своим правым крылом охватывая весь французский фронт. Между правым стратегическим флангом немцев и морем не оставалось французских войск, и немцы могли вести охватывающие действия сколь угодно широко. Французское правительство переехало из Парижа в Бордо. Английский экспедиционный корпус во Франции готовился к эвакуации на Британские острова. Положение грозило катастрофой.

Нет необходимости долго объяснять, чем обернулась бы для России капитуляция Франции. Германия получила бы возможность беспрепятственно наращивать свои силы на Восточном фронте, и разгром России становился в этих условиях лишь вопросом времени.

Но разве не было возможности двинуть русские войска в наступление против более слабого противника – Австро-Венгрии, тем самым заставив Германию перебросить свои войска на помощь своему союзнику и ослабить натиск на Францию? Нет, при всем желании Русская армия не могла представлять для Австро-Венгрии опасности, сравнимой с той, что грозила Франции от Германии. Ведь чтобы дойти до Вены или хотя бы до Будапешта, русским войскам надо было занять Галицию, преодолеть Карпаты и Венгерскую равнину. За это время германские войска успели бы несколько раз взять Париж! Этого простого соображения достаточно для объяснения, почему Германия всю войну была далеко не так чувствительна к просьбам Австрии, как Россия – к просьбам Франции. Кажущаяся зависимость русского командования от французского в данном случае – следствие объективных факторов стратегии.

Поэтому решение двинуть Русскую армию в наступление прямо на территорию Германии выглядит единственно оправданным в тот момент с точки зрения как коалиционной стратегии, так и интересов России. А поражение русских войск в Восточной Пруссии нельзя односторонне расценивать только как нашу неудачу, в отрыве от битвы на Марне, завершившейся победой англо-французских войск и крахом германского блицкрига на Западе. Это был несомненный успех для всех союзников, не исключая России.

3 (16) августа 1914 года, точно в срок, две русские армии (1-я под командованием генерала от кавалерии П. К. Ренненкампа и 2-я под командованием генерала от кавалерии А. В. Самсонова) перешли границу. Высшее руководство осуществляли: главнокомандующий Северо-Западного фронта генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский, Верховный главнокомандующий великий князь (двоюродный дядя государя) Николай Николаевич и начальник его штаба генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич. В сражении у Гумбиннена (ныне Гусев Калининградской области РФ) 7 (20) августа 1914 г. 1-я армия разбила и отбросила противостоявшие ей силы 8-й германской армии.

Перипетии Восточно-Прусской операции многократно анализировались в специальной литературе. Почти все авторы отмечают, что у русских войск была полная возможность овладеть всей Восточной Пруссией. Тем более, что командующий 8-й германской армией генерал Притвиц уже отдал приказ об эвакуации этой важной области! Однако, видя пассивность 1-й русской армии, не преследовавшей разгромленных немцев, главнокомандующий Восточным фронтом генерал Гинденбург и его начальник штаба Людендорф решили перехватить инициативу и разбить русские армии, действия которых не были между собой согласованы, по частям.

Несмотря на то, что общие силы русских в Восточной Пруссии примерно в полтора раза превышали немецкие, Гинденбургу удалось стянуть превосходящие силы против 2-й армии Самсонова. Два ее корпуса – 13-й и 15-й – были окружены (16 августа) под Танненбергом (ныне Стембарк в Польше) и после трехдневных ожесточенных боев разгромлены. Генерал Самсонов застрелился. Немцы объявили о взятии 90 тысяч пленных, по нашим источникам потери пленными 2-й армии составили около 60 тысяч. Главная вина за поражение падает, конечно, на высшее командование, не обеспечившее должного взаимодействия обеих армий. Но поскольку великий князь был вне критики, поплатился один лишь главнокомандующий Северо-Западного фронта Жилинский, в «наказание» посланный представителем России в штаб французского верховного командования. Впрочем, общественное мнение тут же нашло еще одного

виновника неудачи – Ренненкампа (из-за его немецкой фамилии), якобы умышленно не подавшего помощь гибнущей армии Самсонова. До конца 1914 года он был тоже отстранен от командования.

Когда русские войска вторглись в Восточную Пруссию, германское командование отправило туда с Западного фронта два с половиной корпуса (они прибыли в Восточную Пруссию уже после завершения боев у Танненберга). Не представляется возможным доказать, что отсутствие именно этих войск стало решающим для исхода битвы на Марне, развернувшейся с 23 по 30 августа (с 5 по 12 сентября н.ст.) 1914 г. В ходе нее германские войска были отброшены от Парижа. Шлиффеновский блицкриг был сорван. Восточно-Прусская операция и битва на Марне – две неразрывные части общей стратегической победы Антанты.

По сути, уже тогда окончательное поражение Германии было предрешено. Но понимание значения совершившегося пришло позднее. А в тот момент Россия была шокирована известиями с фронта. Успех союзной стратегии сыграл с Россией еще одну злую шутку. От России впоследствии стали требовать подобных жертв и тогда, когда общая обстановка их совсем не оправдывала!

Впрочем, довольно скоро победа русского Юго-Западного фронта (главнокомандующий – генерал от артиллерии Н. И. Иванов) в Галицийской битве, длившейся весь август 1914 г., немного смягчила горечь неудачи в Восточной Пруссии. Наши войска заняли древнюю Червонную Русь с ее столицей Львовом. В этих боях противник потерял 336 тысяч человек, наши – 233 тысячи¹⁶. Австро-венгерская армия была надломлена. Отныне и до конца войны ее стойкость определялась степенью ее усиления германскими частями.

А осенью 1914 года у России возник еще один фронт.

¹⁶ А.А. Керсновский. Ук. соч. С.521.

«Крест на святую Софию!»

По сложившейся у нас традиции, Османскую империю, существовавшую больше пяти веков, принято представлять некоей «империей зла». Россия, начиная с XVII века, много раз воевала с Турцией за избавление своих православных единоверцев и славянских единоплемеников от жестокой власти мусульманских султанов-халифов. В основе русской политики в отношении Турции лежало благородное стремление возратить древнюю столицу Византии – Царьград-Константинополь, переименованный басурманами в Стамбул – под скипетр православных государей. Так это веками виделось отсюда.

Османская империя всегда признавала право на свободу вероисповедания всех ее подданных – мусульман, христиан различных церквей, иудеев. Во всех русско-турецких войнах Россия всегда выступала нападающей стороной. Россия активно участвовала во всех международных сговорах, имевших целью расчленение и уничтожение Османской империи. Россия поддерживала сепаратистские движения в Османской империи. Так это не может не видеться оттуда, с турецкого берега.

Понятно, что практически любой из существующих взглядов на историю русско-турецких отношений субъективен. Отметим, однако, такие несомненные объективные факты.

Первый – граница европейских владений Османской империи являлась конфессиональной границей не между исламом и христианством, а между православием и католичеством. Второй – из всех государств позднего Средневековья именно Османская империя в наибольшей степени может считаться новым Римом, геополитическим преемником древней Римской империи. Османская империя включала почти все те территории, что и Римская (за исключением Западной Европы и Марокко). Третий – Османская империя, как и Рим, и Арабский халифат (и в отличие от Византии), сохраняла конфессиональное и культурное разнообразие своей территории. Четвертый факт – именно Россия в течение веков захватила у Османской империи значительную часть территории, причем никогда ранее России не принадлежавшую, а не наоборот. Объяснение и оценка этих фактов выходят за рамки книги.

С XIV века Венеция, озабоченная проникновением на рынки Востока, строила планы общеевропейского крестового похода против турок. После того, как на первый план в Западной Европе выдвинулись, вместо Венеции, другие державы, идея колонизаторского движения католического Запада на Восток, проявившаяся еще в первых Крестовых походах, продолжала жить. Вдохновителем и организатором этих замыслов выступал Ватикан, всегда стремившийся подчинить восточные христианские церкви.

В качестве тарана, военной силой сокрушающего мощь Турции, вначале выдвигалась Польша, но с конца XVII века им становится Россия. Идеологии Третьего Рима, изначально означавшей национальное Русское православное царство, где сохраняется истинная вера, в царствование Алексея Михайловича (1645–1676) с ловкой подачи иезуитов была придана экспансионистская направленность. Русскому царю предстояло стать не духовным, а материальным, геополитическим наследником византийских императоров, объединить под своей рукой все православные народы. Так во внешней политике России возник **«восточный вопрос»**.

С XVIII века Россия неизменно участвовала в различных международных анти-турецких коалициях. Строились планы отторжения от Османской империи европейских и левантских территорий и создания там христианских государств под протекторатом тех или иных европейских держав. В XIX веке на Турции начали отрабатываться механизмы постепенной десоверенизации, включавшие реализацию принципа «самоопределения», «ограниченный контроль» и международную оккупацию, столь хорошо известные нам теперь по практике США и их союзников в разных частях мира. «Международное сообщество» неоднократно предписывало Турции проведение тех или иных реформ, постоянно вмешиваясь во внутренние дела этого

государства. Ни одна европейская держава такого обращения с собой не потерпела бы! В создании подобных механизмов и распространении двойных стандартов в международной политике в XIX столетии самое активное и непосредственное участие принимала Российская империя.

Россия стала главной военной силой, сокрушившей могущество Турции в Европе. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Балканский полуостров покрылся сетью независимых национальных государств. Это было торжеством традиционной российской политики в «восточном вопросе», но оно обратилось в ее фиаско. Ни одно из освобожденных Россией государств не ориентировалось в своей внешней политике целиком и полностью на Россию. Все они лавировали между разными мировыми центрами силами, преследуя собственные выгоды и постоянно враждовали между собой.

Новые «варварские королевства» уже в 1885 году вступили в борьбу за передел имперского наследия (болгаро-сербская война). В 1912–1913 гг. разразились подряд две Балканские войны. В ходе первой Турция была почти лишена последних своих владений в Европе. В ходе второй бывшие союзники напали на Болгарию. Россия, поддержавшая анти-турецкую коалицию, оказалась не в состоянии быть арбитром для ее поссорившихся участников.

Выдающийся русский философ Константин Николаевич Леонтьев (1830–1891), долгое время проработавший русским консулом в балканской части Османской империи, предупредил еще в 1875 г.: «Существование Турции ... выгодно и нам, и большинству наших единоверцев на Балканах»¹⁷. Но нет пророка в своем Отечестве... Несложный геополитический анализ позволяет увидеть, что, в случае конфликта России одновременно с Германией и Австро-Венгрией, Турция, пока она обладала крупными владениями в Европе, могла быть самым ценным сухопутным союзником России. Другими словами, если бы Россия не изгнала Турцию из Европы, то Первая мировая война вообще могла бы не начаться. Или началась бы в иной геополитической комбинации, гораздо более благоприятной для России.

События начала XX века наглядно продемонстрировали ненужность векового стремления России «водрузить крест на св.Софии». Об истинном отношении православных «братушек» к России свидетельствует хотя бы то, что при получении в начале 1905 г. известия о взятии Порт-Артура японцами монастырская гора Афон была иллюминирована¹⁸ в честь этой победы языческой азиатской страны над православным Русским царством!... Но русское государственное руководство не могло или не хотело преодолеть вековую инерцию. Оно подошло к Первой мировой войне с теми же опровергнутыми жизнью догматическими установками о роли России в «восточном вопросе».

Анти-османская позиция Петербурга побуждала Турцию к сближению с врагами России. Долгое время это была Англия, но в преддверии Первой мировой войны им стала Германия. Осенью 1913 года в Турцию прибыла большая группа германских военных советников во главе с генералом Лиманом фон Зандерсом, фактически назначенных на высокие посты в турецкой армии. Все эти шаги, хотя и вызвали формальные протесты Петербурга, воспринимались там явно с удовлетворением, так как участие Турции в войне против России позволяло последней захватить Константинополь на «законных» основаниях.

Турецкие правители боялись войны и всячески старались ее избежать. Боялись России, которая больше двух веков неизменно была Турцию. 20 июля (2 августа) 1914 года военный министр и фактический правитель Турции Энвер-паша через посла России в Стамбуле М. Н. Гирса направил в Петербург формальное предложение военного союза! Естественно, при условии гарантирования обладания Константинополем и проливами Босфор и Дарданеллы (далее – просто Проливы) за Турцией. Но этих-то гарантий русское правительство не пожелало дать!

¹⁷ К.Н. Леонтьев. Византизм и славянство. В кн.: К.Н. Леонтьев. Поздняя осень России. М., 2000. С.154.

¹⁸ Ф.И. Успенский. Восточный вопрос и Великая европейская война. В кн.: Ф.И. Успенский. История Византийской империи [Т.3]. Восточный вопрос. М., 1997. С.742.

Это был отказ, недвусмысленно показавший истинные намерения правящих кругов России в отношении Турции. Неудивительно, что уже через два дня был заключен германо-турецкий военный союз. У Энвер-паши просто не осталось иной возможности обеспечить безопасность Турции.

В Петербурге не скрывали ликования по этому поводу. Самыми рьяными вдохновителями захвата Проливов выступали либеральные круги. Особенно витийствовал вождь крупнейшей партии либеральной оппозиции – конституционно-демократической (кадетов) – П. Н. Милюков, которого за это даже прозвали «Милюков-Дарданелльский». Он доказывал, что без обладания Проливами российская экономика задохнется. Весь последующий XX век показал, что Россия может вполне успешно развиваться и без Проливов, что совсем «не нужен нам берег турецкий». Обладание Проливами было нужно для увеличения прибылей от экспорта зерна и других видов сырья, то есть компрадорской прослойке русской буржуазии.

Монархический историк Русского Зарубежья справедливо писал о чуждости этих целей элиты понятиям народа: «Целей войны народ не знал. Сами “господа”, по-видимому, на этот счет не сговорились. Одни путано “писали в книжку” про какие-то проливы – надо полагать, немецкие. Другие говорили что-то про славян ... Какая была связь между всеми этими туманными и непонятными разговорами и необходимостью расставаться с жизнью в сыром полесском окопе – никто не мог себе уяснить»¹⁹.

Турцию, ценой отказа от намерения захватить Проливы, следовало удержать от вступления в войну, дабы не множить и без того немалое число врагов России. Предоставляя же Турции достаточно поводов для враждебности, русская власть, согласно известному афоризму, совершала «больше, чем преступление, – ошибку».

Ничуть, впрочем, не снимая ответственности с российской элиты того времени, справедливости ради нужно отметить и «вклад» наших союзников в провоцирование Турции. Для Франции и, особенно, Англии тоже казалось более выгодным иметь Турцию в числе открытых врагов. Это позволяло захватить владения Османской империи. Возможно, инцидент с немецкими крейсерами «Гебен» и «Бреслау» дает ключ к роли союзников в вовлечении Турции в войну.

В августе 1914 г., Германия, желая спасти от уничтожения английским флотом свои названные крейсера, которых начало войны застало в Средиземном море, продала их нейтральной пока Турции. Англичане имели полную возможность перехватить эти корабли на пути в Дарданеллы, однако по неизвестным причинам (на этот счет высказано немало нелестных для Англии предположений) не сделали этого. Как знать, быть может, не получив эти первоклассные крейсера с опытными немецкими командами, Турция бы все-таки не решилась напасть на Россию. А так – 16 (29) октября 1914 г. новые «турецкие» корабли без объявления войны бомбардировали русские черноморские порты.

Присоединение Турции к врагам России существенно ухудшало стратегическую обстановку для нашей страны. Последний прямой путь для связи с западными союзниками – через Проливы в Средиземное море – оказался перехвачен. Между тем, значение этого пути для военного снабжения России было громадным.

Россия, как показывала практика, не могла воевать без материальной помощи со стороны союзников. Из 60 тысяч пулеметов, состоявших на вооружении Русской армии в 1914–1917 гг., 32 тысячи были произведены за границей. Две трети снарядов, выпущенных русскими артиллеристами по врагу, тоже были иностранного производства²⁰. Потребности Русской армии в автомобильном транспорте приходилось удовлетворять почти целиком за счет внешних поста-

¹⁹ А.А. Керсновский. Ук. соч. С.716.

²⁰ А.М. Зайончковский. Первая мировая война. СПб., 2000. С.836.; А.И. Уткин. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000. С.23-24.

вок, при этом явно недостаточных. Не хватало России и собственных пушек, винтовок, патронов, противогазов, медикаментов, перевязочных материалов.

В силу того, что путь через Проливы оказался перекрыт, транспорты союзников в 1915–1917 гг. шли во Владивосток, в Архангельск, а с 1916 г. еще и в Мурманск, куда к тому времени была проведена железная дорога. Можно себе представить, какой кружный путь проделывало оружие из западных стран, чтобы достичь русского фронта! А от каждого из этих портов, к тому же, вглубь России вело всего лишь по одной железной дороге. Неудивительно, что и в 1918 г. большая часть грузов, поставленных союзниками, лежала не распакованной в этих портах.

Если бы этот путь оказался открыт, транспорты союзников прибывали бы в Одессу, Николаев, Херсон, Новороссийск, Севастополь, Керчь, Таганрог... Все это – порты, связанные сетью, а не отдельными ниточками, железных дорог с остальной Россией. От них до фронта – не тысячи, а всего сотни километров. Поставленное союзниками оружие не лежало бы мертвым грузом, а быстро доставлялось бы к войскам. Нетрудно представить, что это существенно подняло бы как боеспособность, так и дух Русской армии.

Проливы были ключевой стратегической позицией нового Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии и Турции). Но они же становились и самой уязвимой их позицией. Османская империя была важным источником продовольствия и сырья для Германии. Отрезав ее, союзники лишили бы Германию возможности пользоваться ее богатыми ресурсами. Конечно, это еще не приводило сразу к поражению австро-германской коалиции. Но ее истощение происходило бы быстрее. Силы же России, напротив, истощались бы медленнее.

Своевременное овладение Проливами открывало перед всей Антантой, но прежде всего – перед Россией, ошеломляющие стратегические перспективы. Одной из самых трагических загадок Второй Отечественной войны всегда будет оставаться то, почему эта очевидная истина почти никак не отразилась на ведении Россией военных действий. Ни в чем так явно не проявлялось единство цели и средства, как в овладении Босфором! **Ключ к победе всю войну лежал под стенами Царьграда, но Россия так и не удосужилась поднять его и отпереть им врата победы!**

Одна лишь русская дипломатия проявляла активность в этой связи. 7 (20) марта 1915 года было подписано секретное англо-русское соглашение, по которому Британия признала право России на обладание Проливами по итогам войны. К этому соглашению вскоре присоединилась Франция.

Одной из причин, почему Россия не предприняла усилий по захвату Проливов, выставляется то, что в начале 1915 г. Англия и Франция сами начали Дарданелльскую операцию. После длительных бомбардировок с моря турецких укреплений в Дарданеллах союзники 12 (25) апреля 1915 г. приступили к высадке десанта на Галлиполийский полуостров. Однако за несколько месяцев ожесточенных боев высадившиеся части захватили лишь крохотный плацдарм шириной в 4 км и глубиной в 5 км. В январе 1916 г. последние десантники из состава австралийско-новозеландского корпуса были эвакуированы.

Россия якобы не помогла своим союзникам высадкой собственного десанта на Босфоре потому, что хотела на будущее приберечь этот приз целиком и только для себя. Такая точка зрения противоречит логике. Конечно, весьма возможно, что русская власть и в этом случае совершала ту ошибку, которая хуже преступления, расценивая выгоды от взятия Константинополя исключительно в плане того, кому он будет принадлежать после войны. Но ведь, помимо того, что был уже заключен соответствующий договор с союзниками, присутствие русских войск на Босфоре стало бы тем реальным фактом, который заставил бы Англию и Францию считаться с русскими интересами в этом районе. Кроме того, такое объяснение игнорирует факт конкретных военных приготовлений России к десантной операции в Проливах.

Весной 1915 г. Николай II повелел готовить десант на берега Босфора. Для этого в районе Одессы формировалась 7-я армия в составе двух корпусов под общим командованием генерала

от артиллерии В. Н. Никитина. Однако 19 апреля (2 мая) произошел прорыв немцами нашего фронта в Галиции. И в результате войска, предназначенные для овладения Царьградом, пришлось использовать для спасения положения на главном фронте. Таково другое объяснение отмены атаки Константинополя.

Если данная версия верна, то Верховный главнокомандующий великий князь совершил преступное стратегическое расточительство, расформировав десантную армию и бросив ее по частям латать дыры во фронте. Выгоды от овладения Проливами, как стратегические, так и, особенно, морально-политические, многократно перевесили бы потерю Галиции, Польши и ряда западных губерний. Как справедливо образно выразился по этому поводу наш военный историк, «в апреле 1915 года Россия была поставлена перед дилеммой: Царьград или Дрыщув. И Ставка выбрала Дрыщув»²¹.

Наконец, третье объяснение сводится к тому, что Россия все равно была не в состоянии провести успешную десантную операцию такого рода, в подтверждение чему ссылаются на неудачу Галлиполийской операции союзников. На взгляд автора, аналогии здесь не очень уместны. Турки вплоть до 1918 года успешно сражались против англичан на всех фронтах своей империи, а русскими были постоянно биты. К тому же, одновременный удар Русской армии на Босфоре и союзников в Дарданеллах намного повысил бы шансы операции на успех.

Николай II верил как в необходимость, так и в способность Русской армии и Русского флота овладеть Константинополем. Эта вера не была следствием ослепления, как часто необоснованно считают, лозунгом «креста на св.Софии». Она была продиктована пониманием исключительной стратегической важности Проливов для выигрыша войны Россией. Всю войну Николай II настаивал на проведении операции по захвату Проливов. Но с этим своим убеждением он оставался одинок в элите Империи. И весьма вероятно, что причина этого одиночества крылась отнюдь не в стратегических лишь разногласиях царя с большинством своего генералитета. Этот вопрос будет подробнее рассматриваться в главе о политическом и стратегическом руководстве последнего русского самодержца.

Если российская элита ставила решение вопроса о захвате Константинополя в зависимость только от того, будет он после войны принадлежать России или нет, то она проявляла непонимание характера ведущейся войны как Отечественной. Ведь в такой войне на первом месте должна стоять защита своего Отечества, а не захват чужих земель. Элита подменяла цель средством. Не победа над Германией должна была стать ключом к обладанию Босфором и Дарданеллами после войны, а взятие их в ходе войны открывало кратчайший путь к конечной победе над Германией...

Военная активность России против Турции проявилась только на Кавказском фронте, где наши войска всю войну постоянно продвигались вперед, особенно активно в 1916 году. В январе 1917 года приказом великого князя Николая Николаевича (в это время – наместника на Кавказе) было учреждено... Евфратское казачье войско²²! Отметим этот факт как историко-геополитический курьез...

²¹ А.А. Керсновский. Ук. соч. С.558.

²² А.А. Керсновский. Ук. соч. С.692.

На Берлин?

Возможно, никогда в XX веке Русская армия (что царская, что советская) не вступала в войну на такой высокой степени профессиональной готовности своего личного состава, как это было в 1914 году. Никогда после она не достигала такого качественного уровня, который позволял ей, поистине, воевать не числом, а умением, с самой, по всеобщему признанию, технически оснащенной и организованной армией мира.

«В иных ротах в рядовых ходило до двух десятков закаленных в японской войне и на службе унтер-офицеров. Фатальная ошибка, порожденная желанием выступить немедленно во всеоружии! Они и разделили судьбу рядовых – легли в первых боях. У противника была иная практика – значительная часть кадрового унтер-офицерского состава оставалась в тылу для подготовки развертывавшейся армии»²³.

Впрочем, такая ли уж и ошибка? Русскую стратегию 1914 года пронизывало нигде прямо не высказанное, но сквозившее в любом ее шаге стремление добиться молниеносного сокрушения противника. У Германии на Западе был свой блицкриг, а у нас должен был быть свой! И такую, во многом инстинктивную, стратегию русского командования приходится считать если не единственно правильной, то вполне оправданной поначалу.

Вообще, главные штабы всех воюющих держав планировали военную кампанию с максимальным напряжением сил на 6–8 месяцев. По истечении этого срока боевые запасы должны были оказаться исчерпанными. Понятно, что способность пополнить боезапасы для более долгой войны была прямо пропорциональна промышленной мощи страны. В этом смысле в лучшем положении находилась Германия, за ней Англия, потом Франция и Россия примерно в одинаковой мере. Так и произошло.

По истечении кампании 1914 года во всех воевавших странах начали проявляться симптомы кризиса со снабжением армий снарядами и патронами. Слабее всего они сказались и быстрее всего с ними справились в Германии. Британская сухопутная армия пока еще не развернулась в полную мощь и не вела интенсивных боевых действий, поэтому кризис на ней тоже почти не отразился. Французская армия, фронт которой с осени 1914 года надолго стабилизировался, перешла к режиму строжайшей экономии боеприпасов. В худшем положении оказалась Русская армия. Ситуация осложнялась тем, что Русская армия в 1914–1915 гг. постоянно вела маневренные действия, которые приводили к интенсивному расходу небогатых боевых припасов.

Стремление добиться быстрой победы диктовалось не только слабостью русской военной промышленности. Если Германия опасалась длительной войны потому, что та велась на два фронта, то Россия – главным образом по отмеченным ранее политическим причинам. Как летом 1914 года обстановка не оставляла русскому правящему классу иного выхода, кроме как ввязаться в войну с сомнительным исходом, так, после начала войны, только быстрая победа в ней избавляла его от политических опасностей, связанных с ее долгим ведением и ясно обозначенных в меморандуме Дурново.

Однако четкого понимания, каким образом можно добиться этой победы, в русской Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) в 1914 – начале 1915 гг. не было. Поэтому стратегические замыслы не раз менялись, противореча один другому, и так и не вылились в конкретный план, подобный плану Шлиффена германского командования на Западном фронте. Вероятно, аналог такого плана для России был объективно невозможен.

Выгоды оперативной конфигурации русской западной границы могли быть легко обращены в невыгоды, и наоборот. Польский выступ мог послужить плацдармом для вторжения

²³ Н.Н. Яковлев. Ук. соч. С.31.

вглубь как Германии, так и Австрии. Одновременно он же мог превратиться в оперативный мешок для сосредоточенных там русских армий в случае одновременного удара врага по его флангам со стороны как Восточной Пруссии, так и Галиции. Колебаниями между опасением таких фланговых ударов и стремлением использовать выгоды польского выступления во многом и определялись метания русской Ставки в указанный период.

В директиве Ставки ВГК от 18 сентября (1 октября) 1914 г. в первый раз говорилось о предстоящем вторжении «в сердце Германии» и о том, что предпринимаемые операции должны иметь целью подготовку необходимых условий для этого вторжения. 28 октября (10 ноября) была издана новая директива, предписывавшая занять выгодное исходное положение для «глубокого вторжения в пределы Германской империи» через Верхнюю Силезию. Наконец, 3 (16) января 1915 г. Верховный главнокомандующий утвердил разработанный генерал-квартирмейстером Ставки генералом от инфантерии Ю. Н. Даниловым план операций на 1915 год. Согласно ему, главный удар должен был наноситься на Берлин, а необходимой предпосылкой его осуществления выдвигалось предварительное овладение Восточной Пруссией.

Постоянная смена направления главного удара показывает, что все эти планы оставались во многом чисто теоретическими построениями. Русские армии в кампанию 1914 года ни разу не приблизились к тому, чтобы занять позицию, позволявшую приступить к практической реализации таких замыслов. Не в последней степени это, конечно, объяснялось противодействием врага. Но не будем строги к русскому командованию: его противник в 1914 году вообще не имел никаких далеко идущих планов ведения войны на Восточном фронте! Действия германского командования в этот период не выходили за рамки активной маневренной обороны и срыва русских замыслов.

Сочетание оперативных мероприятий той и другой стороны привело в 1914 году к двум крупным сражениям на территории русской части Польши: Варшавско-Ивангородскому (29 сентября – 26 октября) и Лодзинскому (29 октября – 15 ноября). И оба завершились тактическими победами наших войск. В последнем сражении немцы, стремясь охватить сразу две русские армии, сами попали в окружение полутора своими корпусами. Только благодаря нерасторопности русского командования, не ожидавшего то ли такой оплошности немцев, то ли такой удачи для себя самого, немцам удалось выйти из окружения. Правда, они потеряли при этом до 40 тысяч человек²⁴. Однако перевести эти тактические успехи в стратегические русскому командованию не хватило сил или умения.

Одновременно продолжались в целом удачные для русских войск бои в Галиции. В конце года наши завязали борьбу за Карпатские перевалы. В крепости Перемышль была блокирована 140-тысячная австрийская армия (сдалась в марте 1915 г.).

В целом, стратегические итоги кампании 1914 года были более благоприятны для России, чем для ее противников. Русские войска, выровняв линию фронта, оставили крайние западные районы Царства Польского, но заняли всю Галицию и часть Буковины у австрийцев, а на северном фланге вновь вступили в приграничные районы Восточной Пруссии. Однако это был пик успехов Русской армии.

Восточный фронт занимал все больше места в оперативных планах германского командования. Активные действия Русской армии не позволяли немцам наращивать свои силы на Западном фронте. Если в августе 1914 г. на Западном фронте находилось 80 германских дивизий, а на Восточном – только 42 (из них 14 германских и 28 австрийских), то в декабре 1914 г. на Западном фронте стояла 81 германская дивизия, а на Восточном – 36 германских и 41 австрийская, т.е. всего 77 дивизий. В феврале 1915 г. число дивизий Тройственного союза на Востоке (91, в том числе 46 германских) впервые превысило их число на Западе (87). Планы

²⁴ А.М. Зайончковский. Ук. соч. С.306.

германского командования на Востоке начинали обретать логичность и стройность: главный удар срединных империй должен был теперь обрушиться на Россию.

Тревожный набат для России еще раз прозвучал в феврале 1915 года. 20-й корпус 10-й русской армии был окружен немцами в лесах под Августовом и разделил участь 13-го и 15-го корпусов под Танненбергом. А командующий армией генерал от инфантерии Ф. В. Сиверс вскоре застрелился, как и Самсонов. Русские войска теперь окончательно оставили Восточную Пруссию, чтобы вернуться туда спустя лишь 30 лет.

Тем временем русское командование, не отказавшись от планов повторного похода в Восточную Пруссию, а оттуда на Берлин, пыталось угнаться сразу «за двумя зайцами». Утвердив план генерала Данилова, великий князь, однако, одобрил и замысел главкома Юго-Западного фронта генерала Иванова, заключавшийся в переходе через Карпаты на Венгерскую равнину. Причину этому можно усмотреть лишь в том, что Ставка любой ценой цеплялась за последний шанс нанести врагу чувствительное поражение. Выбор удара вглубь Австро-Венгрии не в последнюю очередь определялся политическими соображениями (вернее, иллюзиями), о которых будет сказано дальше.

Разбрасывание русских сил на нескольких направлениях облегчало врагу парирование наших ударов. Возможно, что их сосредоточение в каком-то одном месте, наиболее уязвимом для противника, привело бы к более ощутимым результатам. Но такое направление надо было суметь правильно избрать. Меньше всего мишенью главного удара мог служить географический пункт, будь то Берлин, Краков или Кенигсберг. Еще Карл Клаузевиц в начале XIX столетия учил, что объектом военных операций должна быть армия, живая сила противника. Можно сказать, что германский фронт не имел таких очевидных уязвимых мест.

Наступательные операции Русской армии в начале 1915 г. только истощали ее боевые запасы, не приближая к победе. Стратегия русской Ставки в этот период была поведением зарвавшегося игрока. Давно было ясно (но только не великому князю и начальнику его штаба!), что до начала летней кампании сокрушить противника уже не удастся. А раз так, то Русской армии придется вести стратегическую оборону при хронической нехватке боеприпасов. Германское командование отчетливо видело этот приближающийся кризис нашего фронта и намеревалось сполна им воспользоваться.

Рухнувшая надежда на «братьев-славян»

Колебания русского Верховного командования в 1914 – начале 1915 гг. в вопросе о том, кому наносить главный удар – Германии или Австро-Венгрии, вызывались не только стратегическим недомыслием, но и политическими иллюзиями.

Надежды вывести из войны Австро-Венгрию отдельно от Германии были несостоятельны. То, что в конце войны Австро-Венгрия подписала перемирие на восемь дней раньше Германии, вызывалось совершенно новыми условиями, а именно революцией в обеих этих странах. Но революция, подобная происшедшей там осенью 1918 г., была совершенно невозможна в 1914–1915 гг. Тем более немислимо, чтобы катализатором такой революции стала царская Россия.

Военный разгром Австро-Венгрии отдельно от Германии был неосуществим. Аналогия с Францией и Россией, которые могли быть разбиты отдельно друг от друга, тут совершенно не проходит. Обе немецкие империи составляли одно геополитическое целое в центре Европе (их и называли часто блоком Центральных держав или срединных монархий). Германские войска, пока их самих не коснулось революционное разложение, в любой момент могли эффективно «подпереть» фронт своего союзника, что они и делали до 1918 года.

Политические иллюзии русской Ставки были навеяны почти столетием существования панславистской доктрины. Надо заметить, что долгое время панславизм имел главным образом либеральное и даже революционное содержание и потому не пользовался благосклонностью русской монархии. Отношение царского двора к этой доктрине всегда оставалось более, чем сдержанным. Однако с началом Первой мировой войны самодержавие решило осторожно использовать это идейное оружие из арсенала своих внутренних противников, благо те объявили «единение с властью до конца войны». Эта трансформация панславизма совершилась, впрочем, не в одночасье, но здесь нет возможности подробно рассмотреть эволюцию данной доктрины.

Применительно к реалиям Первой мировой войны иллюзия панславизма означала, что славянские народы Австро-Венгрии – чехи, словаки, русины, поляки Галиции, хорваты, словены, сербы Воеводины и Баната – восстанут против власти династии Габсбургов при первых же неудачах ее армии. И с восторгом встретят армию русского царя как свою освободительницу. Такая иллюзия не учитывала того, что для католических народов – чехов, словаков, хорватов, словен – православная Россия была более чужой и непонятной страной, чем католическая Австрия, а поляков и вовсе разделяла с русскими многовековая вражда.

Более реальные надежды могли быть связаны с использованием национальных доктрин самих славянских народов. В ту пору среди них были популярными идеи образования федеративных славянских государств – Югославии и Чехословакии. Они и осуществились по итогам Первой мировой войны. Однако Российская империя ни разу не высказала своего официального отношения к этим доктринам.

От проявления симпатий к России славян Австро-Венгрии удерживало знание о том, что все местные славянские языки, кроме русского (т.е. польский и украинский; последний официально именовался даже не языком, а лишь «малороссийским наречием»), находились в Российской империи под фактическим запретом. Славянские области Австро-Венгрии обладали той или иной степенью автономии, и их жители могли сравнивать свое положение с унитарным централизованным устройством Российской империи. Словом, Российская империя в отношении к «своим» славянам ничем не отличалась в лучшую сторону от Австрийской империи, и народам последней это было хорошо известно.

Однако в пределах, допускаемых необходимостью сохранения единства собственной империи, русская монархия делала многое, чтобы привлечь на свою сторону западных и южных

славян. Так, благосклонное отношение к югославской и чехословацкой национальным идеям проявилось в создании соответствующих частей в составе Русской армии.

Формирование чешских национальных дружин из эмигрантов, живших в России, началось ещё в конце 1914 года. Военные действия, в ходе которых в русский плен попало немало военнослужащих чешской и словацкой национальностей, предоставили широкий контингент для вербовки добровольцев. Но на фронт 1-я Чехословацкая бригада (под командованием русского полковника А. П. Троянова) попала уже только после Февральской революции 1917 года. Ее полки назывались по именам прославленных деятелей чешской истории: св. Вацлава (позднее – Яна Гуса), короля Иржи из Подебрад и Яна Жижки. Интересно, что в ее первом бою 19 июня (2 июля) 1917 г. под Зборовом ей с другой стороны противостояла тоже главным образом чешская по своему составу 19-я пехотная дивизия австрийской армии.

Еще более примечательно то, что в этом бою с обеих сторон приняли участие два будущих руководителя социалистической Чехословакии – солдат Клемент Готвальд (с австрийской) и командир роты Людвиг Свобода (с русской). Готвальд недолгое время спустя после этого боя перебежал на русскую сторону и вскоре стал большевиком, а вот судьба Л. Свободы складывалась иначе. Он вместе с Чехословацким корпусом оказался в Белом движении, а в Советскую Россию попал снова только осенью 1939 года, будучи задержан чекистами на бывшей польской территории, где с группой таких же офицеров бывшей чехословацкой армии пытался развернуть подпольное сопротивление гитлеровской оккупации...

В конце 1917 года чехословацкие части в России насчитывали более 50 тысяч человек и были развернуты в корпус. Однако активные боевые действия на Восточном фронте к тому моменту уже завершились. Чехословацкий корпус в 1918 году принял активное участие в гражданской войне на стороне Белого движения.

1 (14) сентября 1916 года боевое крещение на Русском фронте получила Югославянская дивизия. Показательно, что ее непосредственным противником в том первом бою стали болгары. Будущий руководитель коммунистической Югославии, австрийский солдат Йосип Броз Тито, оказавшийся в русском плену весной 1915 года, предпочел оставаться в лагере... К концу 1917 года югославянские части в России также достигли размеров корпуса. В дальнейшем они были раскиданы по России событиями гражданской войны. 1-й Югославянский полк «Матия Губец» (в честь хорватского национального героя борьбы против венгров в XVI веке) в 1919 году охранял белогвардейского «верховного правителя России» А. В. Колчака.

Особняком стоял польский вопрос. Польша была разделена между тремя государствами – Россией, Австрией и Германией. 1 (14) августа 1914 г. Николай II огласил декларацию, где обещал воссоединение Польши после войны. Однако об ее государственной независимости ничего не говорилось.

С первых дней войны обе стороны стремились привлечь к себе симпатии поляков. Великий князь Николай Николаевич, направляя наши войска в печальный поход в Восточную Пруссию, одновременно пытался зажечь поляков воззванием, напоминавшим об их победе над тевтонами под Грюнвальдом в 1410 году... Но вскоре Польша оказалась полностью оккупирована войсками Центральных держав. Однако и после этого поляки в Русской армии долго продолжали оставаться в составе тех соединений, в которые они были призваны в начале войны.

Австрийские власти уже в августе 1914 года сформировали два польских легиона – в Западной Галиции и отдельно в Кракове. В этой затее им активно помогал лидер «Польской партии социалистической» (ППС) Юзеф Пилсудский. Однако в первых же боях эти части понесли серьезные потери, причем легион, набранный в Галиции, просто исчез как боевая сила, после чего и краковский легион был расформирован.

23 октября (5 ноября) 1916 года оба кайзера – германский Вильгельм II и австрийский Франц-Иосиф I – выступили с совместной декларацией, в которой провозгласили создание независимого Королевства Польского в российской части Польши. Ничего не было сказано о

включении в его состав польских земель, находившихся под властью Германии и Австрии. Как бы ответом на эту декларацию в приказе Николая II по армии и флоту от 12 (25) декабря 1916 г. прозвучало «создание свободной Польши из всех ее ныне разрозненных областей». Однако эпитет «свободной» допускал разные трактовки.

Временное правительство России 16 (29) марта 1917 года провозгласило, что его целью является создание «независимого Польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом». Формирование польских национальных частей в Русской армии ускорилось. В конце лета 1917 года был развернут 1-й польский корпус. К концу 1917 г. он включал три полнокровные дивизии. Тогда же был сформирован 2-й корпус.

Формирование войсковых частей марионеточного Королевства Польского, временно управляемого «регентской радой», назначенной оккупантами, происходило значительно более медленными темпами. До конца 1918 года в этой армии под командованием Владислава Сикорского насчитывалось всего 5 тысяч человек!

Наиболее успешно шло создание польской национальной армии под знаменами союзников на Западном фронте. К окончанию военных действий на нем (в конце 1918 года) т.н. «голубая армия» (названная так по цвету формы), составленная из поляков, живших в разных странах мира (главным образом в США), под командованием Юзефа Галлера, насчитывала более 80 тысяч солдат. С 1919 года она приняла активное участие в событиях польско-русской войны.

Русская элита привычно воспринимала украинцев как малорусов, в том числе и живших в австрийской Галиции и Угорской (Закарпатской) Руси, т.е. в Западной Украине. Последних обычно называли русинами. Большинство русин в начале XX века действительно продолжали отождествлять себя с русскими. Однако в это время, при поддержке австрийских властей, среди них усиленно формировалось новое, украинское самосознание.

С началом Первой мировой войны австрийские власти развернули бешеную травлю русин, не желавших признавать себя украинцами. Их называли «москвофилами» и заведомо скопом записали в русские шпионы. В Червонной Руси развернулся настоящий террор против русинской интеллигенции. За донос на русина-учителя или русина-священника платили больше, чем за донос на простого крестьянина-русина. В выявлении «москвофилов» самое активное участие приняли украинские националисты. В отношении заподозренных применялось «ускоренное судопроизводство». Местечки Западной Украины перед приходом туда русских войск осенью 1914 года не раз «украшались» трупами расстрелянных и повешенных «москвофилов».

Местечко Талергоф в Штирии приобрело печальную известность благодаря концентрационному лагерю, созданному там осенью 1914 года австрийскими властями для арестованных и свезенных туда русинов. Через лагерь прошло не менее 30 тысяч человек обоюбого пола и разного возраста – от грудных младенцев до глубоких стариков. От жестокого обращения и нечеловеческих условий содержания около трех тысяч узников лагеря умерли до конца 1914 года²⁵. В начале 1917 года вступивший на австрийский престол новый кайзер Карл I освободил всех заключенных лагеря без рассмотрения вины, косвенно признав, таким образом, необоснованность репрессий против них.

В ходе военных действий до конца 1914 года русские войска заняли всю Червонную Русь. Она стала управляться на общих основаниях с Российской империей с поправкой на условия театра военных действий. Были образованы четыре губернии – Львовская, Тернопольская, Черновицкая и Перемышльская. Вероятно, планировалась и пятая губерния – Ужгородская (Закарпатская), но туда русские войска не дошли. Униатские приходы переводились под юрисдикцию Русской православной церкви.

²⁵ Н.М. Пашиева. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2007. С.105-110.

В апреле 1915 г., после взятия Перемышля, новые русские губернии посетили Николай II с Верховным главнокомандующим. Вопреки старому международному праву, по которому окончательное государственное устройство завоеванной территории начиналось только после заключения мира, Российская империя своими мероприятиями заранее объявляла о включении этих коронных австрийских земель в свой состав. Правда, уже летом 1915 г. Русская армия была вынуждена уйти с большинства из них. Вместе с отступающей Русской армией уходили уцелевшие от австрийского террора русины, оставляя родную землю для носителей «украинской национальной идеи».

Власти Габсбургов пытались использовать «украинскую идею» для разжигания сепаратистских настроений в России. В Галиции с первых дней войны создавался легион «січових стрільців», название которого должно было пробудить в украинцах какие-то ностальгические воспоминания о временах Запорожской Сечи. Но из этой затеи ровно ничего не вышло. Сами «сечевики» оказались париями в австрийской армии. Командование реально оценивало их боевые качества. Значительно лучше «сечевикам» удавалась жандармская служба против своих соотечественников-«москвофилов». Из «сечевиков», сдавшихся Русской армии, в 1917 году пытались создать карпато-русские части. Но это дело тоже не заладилось.

В целом же, «славянскую карту» не удалось разыграть ни той, ни другой стороне. Но если для Центральных держав ее использование могло быть лишь ограниченным (в Польше и Украине), то для России иначе как разочарованием не обернулось то, что славянские подданные Габсбургов и Гогенцоллернов вовсе не спешили перейти под знамена Романовых (до 1917 года) или «свободной России» (в 1917 г.). Еще более сильным разочарованием стало поведение Болгарии.

Когда осенью 1915 года Болгария объявила войну Сербии и помогла австрийской и германской армиям оккупировать эту страну, в России это было расценено как предательство в «семье славян». Но в Болгарии привыкли смотреть на Сербию как на страну, более всего мешавшую национальным чаяниям болгар. Македония, включенная Сербией в свой состав по итогам двух Балканских войн 1912–1913 гг., в Болгарии всегда воспринималась как колыбель болгарской государственности (Охридская архиепископия). И неудивительно, что в Первой мировой войне Болгария встала на сторону врагов Сербии.

Поначалу казалось, что русские и болгарские войска не столкнутся между собой на поле боя. Однако летом 1916 года, когда в войну на стороне Антанты вступила Румыния (тоже обидчица Болгарии в 1913 году), русские войска вошли в Румынию, чтобы спасти ее от разгрома. И встретились там с болгарами. Надежды на то, что болгары не станут стрелять в русских «братушек», улетучились в один миг. Болгары, как и русские, до поры оставались верны своему царю.

Наиболее конфузный эпизод произошел осенью 1916 года на Балканском фронте союзников, куда были посланы две русские бригады. В боях за город Битоль (Монастир) в Македонии 2-я русская бригада была поставлена командованием союзников на направление главного удара против болгарских войск. По-прежнему надеялись на моральный эффект появления русских перед болгарами... Однако незадолго перед этим Николай II, по просьбе сербского королевича Александра, дал согласие на оперативное подчинение обеих русских бригад командованию сербской армии. В лице русских болгары увидели перед собой все тех же извечных врагов – сербов. Битоль был взят, но 2-я русская бригада потеряла в этих боях свыше трети своего состава...

Однако, говоря о болгарях в Первой мировой войне, нельзя умолчать о судьбе болгарина на русской службе, генерала Радко-Дмитриева²⁶. В 1914 году он состоял послом Болгарии в Петербурге. Неслыханное дело в истории дипломатии Нового времени, чтобы посол пошел

²⁶ Псевдоним из имени и отчества, составленный им самим в юности, когда он в составе народного ополчения воевал за освобождение Болгарии от турок.

воевать за ту страну, в которой находился, когда над ней нависла угроза. Но именно так поступил Радко-Дмитриев, для которого Россия стала второй родиной. Он получил чин генерала от инфантерии и в 1915 году командовал 3-й русской армией, оказавшейся на острие главного удара немцев. Армия понесла большие потери, и на Радко-Дмитриева как на болгарина пало подозрение в пособничестве врагу. Суда не состоялось, но Радко-Дмитриева понизили в должности – назначили командиром корпуса. В дальнейшем он снова командовал армией (12-й), вышел в отставку в 1917 году, а осенью 1918 года был убит во время «красного террора»...

Первая мировая война оправдала ожидания некоторых славянских народов. По ее итогам возникли новые независимые славянские государства – Польша, Югославия, Чехословакия. Но права многих славянских народов оказались при этом ущемлены. Так, Украина была разделена между четырьмя государствами. Большая ее часть стала советской, но разные районы Западной Украины были включены в состав Польши, Чехословакии и Румынии. При этом только чехословацкая часть (Закарпатская Украина) получила некоторую автономию. Хорватов и словен никто не спросил, хотят ли они после войны жить в одном государстве с сербами. Остался «замороженным» конфликт между Польшей и Чехословакией из-за города Тешин. Новые территориальные потери понесла Болгария. Все это сказалось потом, в преддверии и в начале Второй мировой войны.

На полях сражений Первой мировой войны, с обеих сторон обильно политых славянской кровью, разлетелись в прах мечты о единстве и братстве всех славян. Славянский мир вышел из войны еще более разобщенным, чем был до нее, полным взаимных обид и претензий.

Великое отступление

Вернемся на Восточный фронт в весну 1915 года. Здесь и тогда развернулись важнейшие события Первой мировой войны в кампанию 1915 года.

13 (26) апреля германские войска начали демонстративное наступление на северном крыле фронта в направлении Либавы (ныне Лиепая в Латвии). 19 апреля (2 мая) германские и австрийские войска под командованием фельдмаршала Макензена прорвали русский фронт в районе Горлице в Галиции. 9 (22) июня австрийцы снова заняли Львов. Русские были вытеснены почти из всей Галиции и из значительной части Царства Польского.

Потери русских войск были необычно велики. Они могли быть меньше, если бы Ставка не пыталась любой ценой сохранить пространство. Именно тогда впервые прозвучали столь знаменитые по другой войне слова: «Ни шагу назад!». Именно тогда появились в Русской армии первые заградительные отряды.

«Для малодушных, оставляющих строй или сдающихся в плен, не должно быть пощады; по сдающимся должен быть направлен и ружейный, и пулеметный, и оружейный огонь, хотя бы даже и с прекращением огня по неприятелю; на отходящих или бегущих действовать таким же способом, а при нужде не останавливаться также и перед поголовным расстрелом ... Слабодушным нет места между нами, и они должны быть истреблены»²⁷, – гласил приказ, изданный командующим 8-й армией генералом от кавалерии А. А. Брусиловым.

Участились случаи сдачи в плен целых войсковых частей. Так, в первые дни Горлицкого прорыва сдалась в плен 48-я пехотная дивизия во главе со своим начальником генерал-лейтенантом Л. Г. Корниловым. В июне 1915 года Николай II по докладу Верховного главнокомандующего великого князя одобрил предложенные им две меры. Первая касалась семей военнослужащих, добровольно сдавшихся в плен, – эти семьи лишались продовольственного пайка за взятого в армию кормильца. Вторая мера предусматривала ссылку таких пленных, по окончании войны, на поселение в Сибирь²⁸.

Но ни героизмом солдат, ни заградотрядами, ни угрозами репрессий против сдающихся в плен и их родных нельзя было исправить положение, созданное катастрофической нехваткой снарядов и патронов и неумелыми стратегическими распоряжениями высшего командования.

Вышеприведенными фразами обычно иллюстрируют печальные для нашей Родины события начального этапа Великой Отечественной войны. Так вот, происходившее с Русской армией в 1915 году имеет полную типовую аналогию с тем, что происходило с Красной армией летом-осенью 1941 г. и летом 1942 г. Разница только в масштабах.

Размеры трагедии Русской армии в 1915 г. намного уступали трагедии Красной армии и всего нашего народа в 1941–1942 гг. Летом 1915 года наши войска оставили Западную Украину, Польшу, Западную Белоруссию, часть Прибалтики. На этой территории проживало примерно 12–13 млн. человек, что составляло меньше 8% населения Российской империи. В 1941–1942 гг. под пятой врага оказалась территория, на которой до войны проживало около 80 млн. человек – более 40% предвоенного населения Советского Союза.

Размеры потерь в обоих этих случаях трудно сопоставимы. Доля временно уступленных Россией в 1915 году областей в населении и экономике нашей страны была сравнима с долей французских территорий, оккупированных Германией в 1914 году, в населении и экономике Франции. Это была чувствительная, но не фатальная потеря. Она еще не ставила под угрозу существование самого государства.

²⁷ Цит. по: Н.Н. Яковлев. Ук. соч. С.202.

²⁸ Н.Н. Головин. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С.311.

То же самое нужно сказать и о людских потерях России в Первой мировой войне. С августа 1914 г. до конца 1915 г., т.е. за 17 месяцев войны, Русская армия потеряла убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести в сумме 4,7 млн. человек²⁹. Это даже как-то неловко сравнивать с первым периодом Великой Отечественной войны (тоже 17 месяцев, 22 июня 1941–18 ноября 1942 гг.), в течение которого также убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести Красная армия потеряла в общей сложности 11,2 млн. человек³⁰.

В абсолютных цифрах Россия за всю Первую мировую войну потеряла больше, чем любая другая страна. Сопоставление данных различных источников³¹ приводит нас к цифре 2,25 млн. погибших, включая сюда умерших от ран и в плену. По другим основным воевавшим странам мы имеем такое число погибших: Германия – 2,05 млн., Австро-Венгрия – 1,4 млн., Франция (без колоний) – 1,3 млн., Англия (без колоний и доминионов) – 700 тыс., Италия – 600 тыс.

Однако в относительных величинах это будет выглядеть несколько иначе. В России погиб 1 человек из каждых 69 человек населения³², тогда как в Англии – 1 из 64, в Италии – 1 из 62, в Австро-Венгрии – 1 из 38, в Германии – 1 из 35, а во Франции – 1 из 30 человек.

Итак, Россия несла меньшие, относительно масштабов и ресурсов страны, материальные потери, чем остальные главные участники Первой мировой войны. Тем более – чем терял впоследствии Советский Союз в Великую Отечественную войну.

Однако необходимо подчеркнуть субъективный момент восприятия войны в России, которая, как мы уже отмечали, за предыдущие два века привыкла, что ее армия воюет малой кровью где-то на чужой территории. Да, потери России в Первую мировую войну не были фатальными. Но они были **беспрецедентными для страны**. Смутное время начала XVII века, а тем более монголо-татарское нашествие были известны лишь по туманным преданиям, а в Отечественную войну 1812 года потери и разрушения России были неизмеримо меньше, чем в 1915-м. Правда, тогда противник занял даже Москву, но область, затронутая войной и разорением, в 1812 году была сравнительно небольшой – по сути, лишь полоса вдоль дороги Ковно – Москва. А в 1915-м фронт боевых действий был сплошной – от Балтийского моря до Карпат.

Что же касается русского военного командования в Первую мировую войну, то оно издавна служило объектом резких нареканий.

«Русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами, понимая эту оценку в широком смысле подготовки, а не личных качеств»³³. «Стратегический обзор Мировой войны на Восточном ее театре сам собой превращается в обвинительный акт недостойным возглавителям Русской армии. Безмерно строг этот обвинительный акт ... Вынеся свой приговор, история изумится не тому, что Россия не выдержала этой тяжелой войны, а тому, что Русская армия могла целых три года воевать при таком руководстве!»³⁴

Эти оценки даны в 20–30-е гг. прошлого века, в промежутке между двумя Мировыми войнами. Одна исходит от советского военного историка (бывшего царского генерала), другая

²⁹ Н.Н. Головин. Ук. соч. С.142-143.

³⁰ Гриф секретности снят! Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С.152, 157.

³¹ Б. Урланис. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. Ч.II, гл.3, §2; Н.Н. Головин. Ук. соч. Гл.V; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С.100.

³² На территории Царства Польского мобилизационные мероприятия не удалось провести в полном объеме, в Финляндии мобилизации не было. Без них население России к 1914 г. составляло 155,4 млн. См.: А.Г. Рашин. Население России за 100 лет (1813-1913). М., 1956. С.25, 27.

³³ А.М. Зайончковский. Ук. соч. С.15.

³⁴ А.А. Керсновский. Ук. соч. С.675-676.

от эмигранта-монархиста. Обе, различаясь лишь в тоне, полностью совпадают по содержанию. Обе уничтожающе критические.

Великая Отечественная война смягчила негативную оценку русского командования Первой мировой войны или сделала ее неактуальной. Стало ясным, что можно руководить войсками гораздо хуже, однако, несмотря на это, в конце концов выигрывать войну.

Сравним эффективность действий воевавших армий. Говорят, что цифры скучны, но это лишь тому, кому безразлична истина. Для историка нет ничего красноречивее точных цифр.

Число умерших в плену в данном случае – не показатель, поэтому его надо вычесть из общего числа погибших. Хотя реальное количество умерших в германском и австрийском плену русских солдат до сих пор точно неизвестно (имеющиеся оценки расходятся от 27 тыс.³⁵ до 500 тыс.³⁶), возьмем как бы средний показатель в 190 тыс.³⁷ Получается, что в боевых действиях Первой мировой войны в Русской армии погибло 2,1 млн. (погибших от небоевых причин мы считаем вместе с погибшими от огня противника, так как чем армия эффективнее организована, тем ниже доля потерь от небоевых причин, и наоборот), в армиях всех ее врагов, вместе взятых – 1,4 млн. Соотношение получается 1,5:1 не в нашу пользу. Так как взятые в плен – тоже свидетельство эффективности армии, посчитаем вместе с ними, хотя здесь данные менее точны. Русская армия потеряла пленными 2,4 млн.³⁸, взяла пленных 2,2 млн.³⁹ Следовательно, безвозвратных потерь наша армия понесла 4,5 млн., враги же – 3,6 млн., т.е. в 1,25 раза меньше, чем мы.

Если судить лишь по цифрам, они однозначно свидетельствуют в пользу того, что наши враги воевали лучше. Однако не будем поспешны в выводах. Сравним эти же показатели с аналогичными для Великой Отечественной войны. В ней Красная армия потеряла погибшими в военных действиях и от небоевых причин 7 млн. человек⁴⁰, уничтожив при этом 4,8 млн. военнослужащих противника⁴¹. Вместе с пленными наши вооруженные силы безвозвратно потеряли в Великую Отечественную войну 11,4 млн. человек⁴², противник – 8,6 млн.⁴³ Таким образом, в Великую Отечественную войну соотношения потерь были точно такими же (небольшую разницу отнесем на счет статистических погрешностей), что и в Первую мировую войну.

Любопытно, что совершенно такие же пропорции устанавливаются и для Западного фронта Первой мировой войны. Причем и там германские войска, судя по цифровым показателям, воевали эффективнее своих противников. В 1914–1918 гг. армии Антанты на Западно-европейском театре потеряли погибшими 2,3 млн. человек (Франция с колониями – 1,4 млн., Британская империя – 0,8 млн., Бельгия – 38 тыс., США – 37 тыс.), Германия – 1,6 млн. Вместе с попавшими в плен армии Антанты потеряли там же 2,9 млн., Германия – 2,3 млн.⁴⁴

О чем это свидетельствует? Конечно, меньше всего о том, «кто есть лучший солдат» – русский, немец или француз. Ведь эти цифры не способны учесть технических аспектов вооружения сторон. Выводы, из них следующие, ограничены, но для нас очень важны. Приведен-

³⁵ Н.Н. Головин. Ук. соч. С.134.

³⁶ А.М. Зайончковский. Ук. соч. С.833.

³⁷ Россия и СССР в войнах XX века... С.100.

³⁸ Н.Н. Головин. Ук. соч. С.137.

³⁹ А.А. Керсновский. Ук. соч. С.666. Обращает на себя внимание, что в Русской армии соотношение пленных и погибших было почти одинаковым (на семерых погибших восемь сдавшихся в плен), а во вражеских армиях на семерых погибших приходилось одиннадцать сдавшихся в плен! Это может означать одно из трех: или стойкость русских войск была в целом выше, чем у противника; или русские в той войне все-таки чаще одерживали победы, чем терпели поражения; или то и другое вместе!

⁴⁰ Подсчитано по: Великая Отечественная война 1941–1945. М., 1999. Кн.4. С.286; Гриф секретности снят!... С.338.

⁴¹ Подсчитано по: Гриф секретности снят!... С.391.

⁴² Всероссийская Книга Памяти, 1941-1945. Обзорный том. М., 1995. С. 411.

⁴³ Великая Отечественная война 1941-1945. Кн.4. С.292.

⁴⁴ Б. Урланис. Ук. соч. Ч.II, гл.3, §2.

ные показатели означают, прежде всего, то, что **перед лицом противника Русская армия в Первую мировую войну выглядела ничуть не хуже, чем Красная армия в Великую Отечественную**, если брать в целом как неудачный для нас, так и успешный периоды последней. Если в Великую Отечественную войну такие периоды четко разделяются между собой, то ход Первой мировой войны для России был более ровным. Учет этого и позволяет утверждать, что в ходе нее в целом руководство Русской армии было более эффективным, чем руководство РККА в начальный период Великой Отечественной.

Далее, что также показательно, Русская армия Первой мировой войны несла относительно своих врагов такие же потери, как армии наших западных союзников – относительно своих. Иными словами, Русская армия была подготовлена к встрече с врагом ничуть не хуже, чем французская и английская армии. Все это заставляет признать **несостоятельность заезженного тезиса о неготовности Русской армии к Первой мировой войне по части военного профессионализма**. И это касается всей армии, то есть и ее высшего стратегического руководства. Его даже в первую очередь.

Летняя кампания 1915 года дала блестящий образец организованного отхода крупных войсковых масс, осуществленного русским командованием. Северо-Западный фронт под командованием генерала от инфантерии М. В. Алексея был своевременно выведен из образывавшегося в Польше оперативного «мешка», который готовило для него германское командование. Во время этого отхода с июля по сентябрь 1915 г. ни одно крупное соединение нашей полевой армии не попало в окружение. Опять невольно напрашивается сравнение с летним отступлением 1941 года Красной армии – не в пользу последней. Правда, у Гинденбурга не было танковых дивизий, способных проходить до 100 км в сутки. С другой стороны, в 1941 году танки-то были не только у немцев...

Германское командование напрягало все силы, стремясь нанести решающее поражение России. В августе 1915 года число дивизий Центральных держав на Восточном фронте достигло максимума с начала войны – 107 (больше будет только через год), из них 65 германских. На Западном фронте в это время находилось только 90 дивизий (правда, все германские). Но своих целей противник не достиг. Уже в сентябре 1915 г. общее число его войск на Востоке было сокращено до 102 дивизий. Это означало признание провала планов вывести Россию из войны в 1915 году.

Западные союзники не оказали в этот период помощи Русской армии своими активными действиями. В мае и июне (н.ст.) 1915 г. они предприняли две незначительные попытки локального наступления, но они оказались безрезультатными. Летом 1915 г. немцы не отправили ни одной дивизии с Восточного фронта на Запад, наоборот, все переброски шли в обратном направлении! Более серьезная попытка наступления была предпринята союзниками только 12 (25) сентября 1915 г. и длилась четыре недели. Она не имела серьезных результатов, кроме того, что германское командование на этот раз перебросило с Востока на Запад 11 дивизий. Но это было следствием не столько французских действий, сколько признания бесперспективным дальнейшего наступления на Востоке.

Вряд ли следует, как это иногда делают, считать эти французские атаки предпринятыми лишь для отвода глаз русскому командованию. Союзникам действительно не хватало умения рвать укрепленные полосы обороны противника. И все-таки о том, что их боевая помощь Русской армии могла быть в тот период более значительной, свидетельствует характерное признание не кого-нибудь, а министра военного снабжения (впоследствии премьер-министра) Англии Дэвида Ллойд-Джорджа: «История предьявит счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом

помогли бы лучше всего и себе»⁴⁵. Снова уместна аналогия с первым этапом Великой Отечественной войны, когда нашим войскам так не хватало помощи реального второго фронта.

Россия, фактически предоставленная самой себе, выдержала напор вражеских полчищ! В конце сентября 1915 г. Восточный фронт стабилизировался. При этом русские войска нанесли противнику ряд чувствительных контрударов на Юго-Западном фронте. На Западном фронте Русской армии⁴⁶ (созданном разделением Северо-Западного фронта на Северный и Западный) был ликвидирован прорыв германской кавалерии под Свенцянами. Там противнику удалось на время перерезать железную дорогу Минск – Москва в 30 верстах восточнее Минска. Но немцам пришлось быстро ретироваться, пока наши войска не успели захлопнуть «форточку», через которую те пытались прорваться на наши тылы.

В этих боях осенью 1915 года Русская армия показала, что полностью оправилась от понесенных поражений, что военно-технический ее потенциал восстановлен, а боевой дух по-прежнему высок. Самый чувствительный урон немецкое наступление нанесло не ей, а русскому обществу.

⁴⁵ Д. Ллойд-Джордж. Военные мемуары (пер. с англ.). М., 1934. Т.1-2. С.317.

⁴⁶ Не путать с немецким Западным фронтом во Франции!

Неадекватная реакция

Как мы уже видели, потери, понесенные Россией в 1914–1915 гг., не были фатальными. Они не позволяли объективно считать войну проигранной. Они не давали достаточных причин для упреков русскому командованию и всему государственному руководству в ее бездарном ведении. Тяготы, переносимые Россией, были не так велики, как у той же Франции и, особенно, Германии, где с начала войны жизненный уровень населения резко снизился. В России он снижался намного медленнее. Мобилизации тоже меньше затрагивали русский народ, чем народы Западной Европы. В России за все время войны было призвано в вооруженные силы 15,4 млн. человек⁴⁷, однако это составляло всего 9,9% населения страны⁴⁸. Для сравнения: в Англии было мобилизовано 10,7%, в Италии 15%, в Австро-Венгрии и Франции по 17%, а в Германии 20% всего населения страны!⁴⁹

Однако, как мы тоже отметили, Россия никогда прежде не несла таких потерь за столь короткое время и ей не приходилось прилагать таких усилий для борьбы с врагом. А победа все не приходила. Русским людям, поколение за поколением воспитанным в понятиях непобедимости своей Империи, было извинительно видеть во всем этом результат деятельности каких-то скрытых враждебных сил. У них просто не укладывался в голове тот простой факт, что Русская держава, на поверку, оказалась не так сильна, как привыкли считать! Естественно было искать во всем этом происки шпионов, благо людей с немецкими фамилиями в России было немало. «С помощью услужливой печати, которой всюду мерещились переодетые прусские ротмистры, серьезное и всенародное дело защиты России превращалось в уголовный роман»⁵⁰.

Ни одна страна, воевавшая в Первой мировой войне, не избежала болезненных приступов шпиономании. Вражеских агентов искали и находили повсюду, особенно там, где их не было (знаменитая Мата Хари, как теперь склонны считать, вряд ли сознательно работала на германскую разведку). Но, пожалуй, только в России того периода «охота на ведьм» сыграла такую огромную и зловещую *политическую* роль.

Наряду с этим даже у лиц, лояльных к власти, росли сомнения в дееспособности государственного строя Российской империи. По аналогии с действиями командного состава на поле боя, мы вправе заключить, что правительственный аппарат России справлялся с трудностями военного времени ничуть не хуже, чем его коллеги в западноевропейских странах. С поправкой, вероятно, на инфраструктурное отставание России, которое, однако, нельзя было ликвидировать в одночасье. Но более низкая эффективность русской государственной машины ставилась обществом в вину не ее низкой технической вооруженности, а ее устройству.

Это, как и желание видеть во всех неудачах результат тайных вражеских козней, было заведомо неверно, зато удобно. Вместо необходимости трудиться по принципу «Все для фронта, все для победы!», как это было потом в Великую Отечественную войну, обществом **нагнеталась иллюзия легкого, политического решения тяжелых проблем**, объективно стоявших перед Россией.

Раскрутка грандиозного шпионского скандала началась с дела жандармского полковника Сергея Мясоедова. Вина его не была доказана, но Верховный главнокомандующий великий князь приказал военному суду повесить Мясоедова независимо от наличия улик. Однако Молох общественного мнения не был этим удовлетворен. Всем казалось, что такое ничтожное лицо, как полковник, не могло быть центром всей изменнической деятельности. Так потяну-

⁴⁷ Россия и СССР в войнах XX века... С.91

⁴⁸ Без Польши и Финляндии – см. выше.

⁴⁹ А.М. Зайончковский. Ук. соч. С.836.

⁵⁰ А.А. Керсновский. Ук. соч. С.495.

лась новая ниточка расследований, довольно быстро приведшая к отставке и аресту генерала от кавалерии Владимира Сухомлинова, военного министра.

Дело Сухомлинова сильно дискредитировало русскую власть, тем более, что обвинение в измене было шито белыми нитками. «Ну и храброе же у вас правительство, раз оно решается во время войны судить за измену военного министра!»⁵¹, – изумленно заявил летом 1916 года британский министр иностранных дел Эдуард Грей руководителю русской парламентской делегации А. Д. Протопопову. Николай II, выдав своего министра на заклятие, не спас, однако, себя от участи Карла I Стюарта, но Сухомлинов оказался счастливее Страффорда⁵².

Судили бывшего военного министра уже после Февральской революции. «Либеральный и демократичный» режим Временного правительства погрел в этом процессе все нормы права и законности. Никаких фактов, уличающих Сухомлинова в связях с врагом, обнаружено не было. Тогда суд приговорил царского министра «за служебную халатность»... к пожизненной каторге! Ни одна статья Уголовного уложения не предусматривала такого сурового наказания за такое преступление. Большевики, придя к власти, помиловали пожилого больного генерала и дали ему возможность выехать за границу.

Любопытный материал для суждения о психологии русской элиты дает недавно опубликованный дневник консервативного публициста Льва Тихомирова⁵³. Автор дневника, как показывают записи, имел доступ к некоторым тайнам текущей политики, например, к эксклюзивной информации о ходе секретных переговоров с Англией и Францией по вопросу о Проливах. Тем более примечательно, что Тихомиров постоянно на протяжении 1915–1916 гг. демонстрирует уверенность в неблагоприятном исходе войны для России, ссылаясь на господствующие мнения в элитных кругах русского общества. Причем всю вину за этот исход он заведомо возлагает на государственное руководство.

Общее настроение, которым пронизаны записи публициста, – паническое, но исполненное обвинительного пафоса по отношению к власти предрежащим. Это записки не мыслителя, искушенного в тайнах государственной политики, а испуганного, выбитого из колеи обывателя. Хотя временами его опасения смотрятся мрачными пророчествами, как у Дурново, правомерен вопрос: быть может, «старый мир» не в последнюю очередь рухнул потому, что его сторонники заранее пали духом перед трудностями и сочли свое дело проигранным?... Подчеркиваю, что речь идет не об оппозиционере, а об идеологе русской монархии, об образованном человеке, лояльном к власти. Чего можно было ждать в той обстановке от людей необразованных, или, еще хуже, от образованных оппозиционеров?

10 февраля 1915 г. он, упоминая о начавшейся англо-французской операции по овладению Дарданеллами, пишет: «Это будет огромный успех, но не для нас⁵⁴. Мы после этого не получим ничего, ни одного пролива. Это полный исторический разгром». Четырьмя месяцами позднее выяснилось, что эти опасения были совершенно беспочвенны – союзники гарантировали России обладание Проливами, но Тихомиров, отметив данный факт, уже и не вспомнил про ту свою февральскую запись.

Страницы дневника наполнены рефлексией подобного рода. 20 апреля 1915 г.: «У нас нет плана, нет умения исполнять планы, и мы ведем войну по указке неприятеля». 26 апреля: «Ни правительство, ни военачальники не находятся на высоте положения». 13 июня: «Война

⁵¹ П.Г. Курлов. Гибель императорской России. М., 1992. С.200.

⁵² Томас Страффорд – государственный деятель Англии при короле Карле (Чарльзе) I. В 1641 году король, по требованию оппозиции, согласился предать Страффорда суду по обвинению в злоупотреблении властью. Тем самым король надеялся отвести гнев оппозиции на фаворита. На приближенных короля его поступок произвел тяжкое впечатление. Страффорд был казнен, однако это в итоге не уберегло от плахи голову самого короля.

⁵³ Л.А. Тихомиров. Дневник. 1915-1917. / Сост. и комм. А.В. Репников. М., 2008.

⁵⁴ Здесь и далее – подчеркнуто автором цитат.

ведется без умного плана, по-маньчжурски⁵⁵». 27 июня: «Наш генеральский состав очень плох». 7 июля: «Где пределы успехов немцев? Будут ли они в Москве?»

По мере развертывания Великого отступления картина рисуется все мрачнее. 6 августа: «Частное известие (приезжий священник) сообщает, что Ставка Верховного Главнокомандующего переносится в Смоленск!⁵⁶ ... Дело, значит, подходит и к Москве ... И как быстро начался наш развал на фронте и в тылу». 7 августа: «Мы рассыпаемся с поразительной быстротой ... В 2 месяца (57 дней) произошел такой переворот, после которого можно ждать движения на Вильно и, м.б., Смоленск и Москву. До осени и зимы остается еще 2–3 месяца. Сумеют ли наши войска сопротивляться еще два месяца? ... Перед нами какая-то черная пропасть, и ничто не может нас спасти». 15 августа: «Россия рассыпается. Не понимаю, что может нас спасти!» 4 сентября: «Увы, кажется, война безвозвратно проиграна». 6 сентября: «Несчастливая Россия! Погибшая страна. Никуда не годна».

Опасение, что враг возьмет Москву, хотя война идет еще где-то в Белоруссии, делается навязчивым. 7 сентября: «Становится весьма вероятно, что немцы дойдут и до Москвы». 8 сентября: «Так немцы дойдут и до Москвы ... О победе над немцами я уже и не мечтаю». 11 сентября: «Если немцы займут Москву – то Россия не в состоянии уже сопротивляться». 20 сентября: «Похоже, что наши армии имеют ввиду отступить до Москвы, а может и дальше».

К началу октября 1915 г. русские войска остановили наступление врага. И наш патриот, перестав бояться скорого падения Москвы, делает такую «пророческую» запись 6 октября: «Правду сказать, я теперь уже не имею никакого сомнения в победе Германии. Вопросы могут быть лишь частные: возьмут ли немцы Москву? Возьмут ли они Петербург? Но они, конечно, победят, и наши союзники сами на мир согласятся. Немцы умны, патриотичны, имеют превосходное государство. А у нас – все скверно, и подданные, и правительство, нет ни ума, ни знаний, ни порядка, ни даже совести. Из всех же наших зол – самое ужасное – это власть, которая, вероятно, погубила бы нас даже и в том случае, если бы мы были порядочным народом».

Автор был явно не в ладах с логикой. 7 января 1916 года он пишет: «Несчастливая, погибшая страна! А ведь если бы наш правительственный слой и выращенный им командный состав армии стоили хотя бы ломаный грош, то мы могли бы быть теперь в Берлине». Вспомним то, что он писал за три месяца до того! И как же это? Если «немцы умны, патриотичны, имеют превосходное государство», то как «ломаный грош» смог бы их победить всего за полтора года?!

Лев Тихомиров был одним из умных людей России того времени, предвидевший или предчувствовавший многое из того, что произошло с Россией затем (почему мы и уделяем ему столько внимания). Тем примечательнее, что большинство его рассуждений о войне нелепы и наивны. В частности, его замечание об «отсутствии военных дарований» у русского командования выдает его узкий обывательский горизонт. Даже во времена Наполеона дело решали «большие батальоны», как признавал сам этот великий полководец, а не таланты. В начале XX века война превратилась в войну огня и стали, в столкновение огромных человеческих масс, в борьбу на истощение математически исчисляемых единиц, перед подавляющей и всепоглощающей силой которых сникала воля полководца. Тихомирова извиняет то, что вместе с ним это непонимание природы современной войны проявляла почти вся русская элита, не исключая военных.

Примечательно, что Тихомиров на страницах своего дневника находит место для фактов оптимистических взглядов на перспективы войны, однако не спешит поддаваться их влиянию. Как правило, почти все такие воззрения исходили из среды военных или людей, близко стоящих к армии. Казалось бы, они должны быть лучше информированы, и им следует верить. Вот,

⁵⁵ Имеется ввиду – как во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., закончившейся поражением России.

⁵⁶ Ничего подобного не планировалось. Летом 1915 года Ставка ВГК была перенесена из Барановичей, угрожаемых неприятелем, в Могилев, где и пребывала до заключения перемирия в декабре 1917 г.

например, запись от 31 августа 1915 года. По сведению одного из знакомых, «теперь произведено снарядов огромно – на заводах, организованных правительством», и это, как мы знаем сейчас, было именно так. «О настроении войска тоже пишут, что оно бодрое и у всех есть уверенность в победе». Однако тут же другой знакомый уверяет, что «война проиграна», и Тихомиров склоняется к его мнению, хотя и знает, что тот «преисполнен глубокого уважения к немцам» и «по существу оппортунист».

В дневнике Тихомирова рядом с меткими наблюдениями и точными прогнозами соседствуют непроверенные и просто вздорные известия. Отмечая, что «народ уже обезумел, уже нервно пьян» (запись от 17 сентября 1915 г.), автор дневника нередко сам некритично повторяет народные сплетни о засилье немецких шпионов и т.п. Все вместе слагается в картину хаоса, царившего не столько в стране, сколько в головах таких людей, как Тихомиров. Это было симптомом общего явления растерянности русской элиты перед реалиями тотальной войны, к которому мы еще вернемся на страницах книги.

Попытка коренного перелома

Во время Великого отступления, 22 августа (4 сентября) 1915 г. Николай II лично занял должность Верховного главнокомандующего вместо великого князя. Вскоре после этого прекратилось отступление Русской армии. Можно отрицать всякую связь между этими двумя фактами, но смена Верховного главнокомандующего, во всяком случае, не отразилась в худшую сторону на руководстве Русской армией.

В 1915 году произошли изменения в расстановке сил на европейской арене. 10 (23) мая в войну на стороне Антанты вступила Италия. Это долго никак не влияло на общий ход войны. Объявление же Болгарией 1 (14) октября 1915 г. войны Сербии сразу заметно усилило позиции Центральных держав. Сербия, оказавшаяся в стратегическом окружении, не смогла долго сопротивляться. В январе 1916 года остатки ее армии были эвакуированы на остров Корфу, откуда вскоре переправлены на новый Балканский фронт, открытый союзниками в Северной Греции.

Николай II рассматривал оказание помощи Сербии как дело чести России, не забывая и об общих стратегических выгодах. Нанести непосредственный удар по Австро-Венгрии или Германии Русская армия, только что закончившая Великое отступление, не могла. Царь замыслил десантную операцию в тыл Болгарии, на ее черноморское побережье, откуда можно было бы нанести удар и по Царьграду.

Это была вторая за войну русская попытка осуществить захват Проливов. Как и первая, она не дошла до стадии реализации. Новый командующий 7-й армией (теперь она состояла уже из трех корпусов) генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев приложил все усилия, чтобы убедить нового начальника штаба Верховного главнокомандующего, М. В. Алексеева, в безнадежности осуществления десантной операции. Встретившись с организованным саботажем генералитета, царь был вынужден уступить. Сербия была предоставлена собственной печальной участи.

В результате кампании 1915 года положение Центральных держав (теперь это был, вместо Тройственного, уже Четверной союз) значительно улучшилось. С захватом территории Сербии в руках Германии и ее союзников полностью оказалась стратегическая железная дорога Берлин – Вена – Стамбул, связывавшая Центральную Европу с важной в сырьевом отношении Передней Азией. Стратегическое пространство Четверного союза расширилось и укрепилось.

Но и Антанта мобилизовала усилия, что выразилось, прежде всего, в попытке координировать ведение военных операций на разных фронтах. На совещании представителей штабов союзников в Шантильи (Франция) в феврале 1916 г. было принято решение, что Русская армия перейдет в наступление против германских войск не позднее 15 июня по н.ст., а англо-французские армии на своем фронте – не позднее 1 июля по н.ст. Русский представитель в Шантильи генерал Жилинский без возражений принял продиктованную ему союзниками диспозицию.

Действительность, как обычно бывает, спутала все планы. 8 (21) февраля 1916 г. германская армия начала мощные атаки на укрепленный район французов Верден. Французское командование, как стало для него привычным, обратилось к русскому с требованием немедленно воздействовать на немцев энергичным наступлением. Русские войска 5 (18) марта 1916 г. были двинуты в атаки у озера Нарочь в Белоруссии. За две недели тяжелых боев наступление захлебнулось в русской крови. Германское командование не сняло в этот период ни одной дивизии из-под Вердена.

2 (15) мая 1916 г. австрийские войска начали неожиданное наступление на Итальянском фронте, стремясь ударом из Южного Тироля отрезать итальянские войска в областях Фриуль и Венето. Внезапность этой атаки и угроза окружения испугали итальянское командование.

Король Виктор-Эммануил III послал личную телеграмму Николаю II, прося ускорить переход русских войск в наступление против австрийцев. Одновременно с таким же требованием к русским обратилось французское командование.

Складывалось впечатление, что итальянское руководство может заключить с противником сепаратное перемирие, что нанесло бы сильный моральный удар по Антанте. Воздействовать на австрийцев немедленным наступлением могла только Россия. Николай II повелел начать наступление Юго-Западного фронта (главнокомандующий Брусилов) на двенадцать дней раньше намеченного срока.

Стратегическая наступательная операция русского Юго-Западного фронта в Первой мировой войне, известная как Брусиловский прорыв, продолжалась полгода – с 22 мая (4 июня) по конец ноября (начало декабря) 1916 г. Это была, по сути дела, целая кампания, состоявшая из нескольких чередовавшихся наступлений. По ее первому этапу, ознаменованному крупной русской победой под Луцком, ее иногда называют Луцким прорывом. Нередко только этот эпизод большого сражения называют Брусиловским прорывом.

В общем плане наступления Русской армии в летнюю кампанию 1916 г. Юго-Западному фронту отводилась вспомогательная роль. Между тем, Брусилов был единственным из командующих фронтами, кто верил в успех и рвался в бой. Поэтому играть главную роль в наступлении пришлось в итоге ему.

Ни на одном из направлений войска Юго-Западного фронта не имели решающего превосходства над противником в живой силе и огневых средствах, а местами даже уступали ему⁵⁷. Общее превосходство противника над русскими в количестве тяжелой артиллерии было троекратным. Тем значительнее был одержанный русскими успех.

Летом 1916 года Русская армия указала всем воюющим сторонам выход из тупика позиционной войны. Войска Брусилова применили принципиально новую тактику прорыва укрепленных позиций – «огневой вал». Обычно в сражениях Первой мировой войны наступление начиналось с многодневной артиллерийской подготовки. Тем самым направление удара заранее демаскировалось, и противник имел возможность подтянуть резервы к предполагаемому участку прорыва. Атакующие войска преодолевали первую полосу неприятельской обороны, подавленную артиллерийским огнем, но за ней наталкивались на нетронутые свежие силы противника, и атака глохла. Требовалось подтянуть артиллерию и снова много дней готовить прорыв следующей укрепленной полосы.

«Огневой вал» был короткой артиллерийской подготовкой. Атака начиналась не после него, а непосредственно под его прикрытием. Прижатая артиллерийским огнем пехота противника не могла оказать сопротивления. Атакующие войска врываются в первую линию траншей врага. Вслед за этим «огневой вал» переносился дальше, на вторую линию обороны, на третью и т.д. При этом атакующие войска шли четырьмя волнами. Уставшая, понесшая потери первая волна закреплялась на захваченных позициях, а дальше шла вторая волна пехоты и т.д.

Изобретенная Брусиловым тактика прорыва была широко применена обеими сторонами на Западном фронте в последний год войны – 1918-й – и привела там к выходу из тупика окопного сидения. В этом ее всемирное значение в истории военного искусства.

Стратегическая внезапность Брусиловского прорыва была достигнута тем, что направления главного удара как такового не было. Удар одновременно наносили все четыре армии Юго-Западного фронта. И все добились успеха, хоть и разного. Поэтому необходимо напомнить имена этих генералов, которые под руководством выдающегося полководца тоже показали, на что еще способна Русская армия. Это: Д. Г. Щербачев (командующий 7-й армией), А. М. Каледин (8-я армия), П. А. Лечицкий (9-я армия), К. В. Сахаров (11-я армия).

⁵⁷ А.М. Зайончковский. Ук. соч. С. 542-544.

Наибольшего успеха поначалу добилась 8-я армия под Луцком. После некоторого колебания Брусилов решил, что она должна наносить главный удар, а основной задачей наступления будет взятие Ковеля. Этой цели он продолжал упорно придерживаться в последующие месяцы, хотя оперативная обстановка серьезно изменилась, и противник сумел выстроить на ковельском направлении плотную оборону. Между тем, наметившийся крупный успех 9-й армии в Буковине не был в достаточной степени использован.

Наступление русского Западного фронта под командованием генерала от инфантерии А. Е. Эверта, которому в планах русской Ставки придавалось первостепенное значение, постоянно откладывалось, несмотря на благоприятное для наших войск соотношение сил. Наконец, 20 июня (3 июля) Западный фронт перешел в наступление, но оно довольно быстро захлебнулось. С большим запозданием Ставка поняла, что ждать активных действий от инертного командующего фронтом не приходится, и согласилась усилить армии Брусилова. Но время было упущено.

1 июля н.ст. – ни одним днем раньше срока! – в наступление перешли англо-французские войска. Развернулось сражение на реке Сомме. За четыре с половиной месяца боев союзники продвинулись на фронте 45 км в глубину на 10 км. Войска нашего Юго-Западного фронта за два с половиной месяца в полосе шириной 400 км имели продвижение в глубину от 60 до 120 км. Все лето 1916 г. германское командование непрерывно усиливало свои войска на Восточном фронте за счет Западного.

Между кампаниями 1914 и 1918 гг. наступление русского Юго-Западного фронта в 1916 г. было наиболее успешной стратегической операцией войск Антанты на всех европейских театрах военных действий (ТВД). Австро-венгерская армия была разгромлена, одними пленными потеряв более полумиллиона человек. Главнокомандующий генерал Конрад, готовившийся праздновать триумф над итальянцами, был отрешен от должности за то, что просмотрел подготовку русских к наступлению. Австрийский фронт спешно подпирался германскими войсками. Однако и русские потери были значительными – вряд ли меньше потерь противника. Особенно много наших полегло в кровопролитных атаках на реке Стоход, продолжавшихся с июня по сентябрь 1916 г.

Русская армия не достигла всех тех целей, на которые рассчитывал Брусилов. В своих мемуарах он обвинял в этом лично государя и его начальника штаба генерала Алексеева, не предоставивших ему достаточно сил. Брусилов даже утверждал, что в 1916 году можно было закончить войну окончательным разгромом Австро-Венгрии и Германии, если бы царь как Верховный главнокомандующий и его начальник штаба соответствовали своим должностям. Это, конечно, явное преувеличение. Но очевидно, что возможности Русской армии не были использованы в максимальной степени. Особенно это касается отсутствия согласованных действий фронтов. Здесь сказались отсутствие в Русской императорской армии беспрекословного повиновения военачальников Верховному главнокомандующему.

А. А. Керсновский, один из наиболее дотошных историков военных действий Русской армии в 1914–1917 гг., так оценивал этот спор:

«Волевого начальника ген. Брусилова следует поставить гораздо выше ген. Алексеева. Он громил неприятельские армии, одерживал блестящие победы, которыми ген. Алексеев совершенно не умел пользоваться ... Ген. Брусилову удалось то, что до сих пор не удавалось ни одному вождю союзных армий – прорыв неприятельского фронта в стратегическом масштабе. Брусилова обвиняют в том, что произведя прорыв, он не сумел его использовать. Обвинение это ни на чем не основано. Использовать прорыв было делом не главнокомандующего Ю.-З. фронтом, ... а Ставки»⁵⁸.

⁵⁸ А.А. Керсновский. Ук. соч. С.632-633.

14 (27) августа 1916 г. в войну на стороне России вступила Румыния. Случись это месяцем-двумя раньше, когда австрийская армия была в глубоком шоке, последствия могли быть более благоприятными для Антанты. Но Румыния откладывала этот шаг до окончательной распродажи своего хлеба урожая 1915 года... Германии и Австрии. К тому времени противник справился с кризисом. Тем не менее, 3 (16) сентября 1916 г. русские войска снова двинулись вперед, но имели лишь незначительный успех. Наступательные операции Юго-Западного фронта неоднократно возобновлялись и впоследствии, затихнув лишь в конце ноября 1916 г., когда основные события переместились в Румынию, где русским пришлось спасать своего незадачливого нового союзника. Так возник Румынский фронт Русской армии, протянувшийся еще на 450 км – до Черного моря.

Военные операции 1916 года показали, что наступательный потенциал Центральных держав исчерпывается, и стратегическая инициатива повсюду переходит к армиям Антанты. Русское общество не смогло этого своевременно и должным образом оценить. Даже Брусиловский прорыв не внес перелома в настроение. Лев Тихомиров в те дни записывал в дневник:

«Разве есть сомнение, что это малейшее и эфемерное движение, которое тотчас сменится полным бездействием, ... если только не чем-нибудь хуже?» (24 мая). «Годовое стояние на позициях убило всякую веру в наступление» (25 мая). «Победа Брусилова совершенно не производит в публике никакого особенного впечатления ... В головы народа проникло тяжкое мнение, что мы не способны разбить немцев» (29 мая).

Между тем, «снарядный» и «патронный» голод, переживавшийся Русской армией летом 1915 года, давно был преодолен. «Если бы судьба войны зависела теперь от снарядов и орудий, танков⁵⁹ и броневиков, самолетов и отравляющих веществ, то Русская армия выиграла бы войну вместе с союзными армиями ... Главным препятствием к победе стали теперь не материальные недостатки (вооружение и снабжение, военная техника), а внутреннее состояние самого общества»⁶⁰, – справедливо утверждает историк В. И. Старцев.

Как очевидное признание слабости Германии был воспринят Антантой ее призыв к переговорам о всеобщем перемирии и мире, прозвучавший 29 ноября (12 декабря) с трибуны рейхстага из уст канцлера Бетмана-Гольвега. Тем более, что в нем ничего не говорилось об оставлении войсками Германии и ее союзников оккупированных территорий Сербии, Бельгии, Румынии, Франции и России. Державы Антанты обоснованно считали, что в состоянии добиться военной победы, чтобы вести переговоры о мире в лучшей стратегической обстановке. 12 (25) декабря 1916 г. Николай II отдал приказ по армии и флоту, в котором, в частности, заявлял:

«Среди глубокого мира, более двух лет тому назад, Германия ... внезапно напала на Россию и ее верную союзницу Францию ... Под натиском германских войск, до чрезвычайности сильных своими техническими средствами, Россия, равно как и Франция, вынуждены были в первый год войны уступить врагу часть своих пределов ... Путем напряжения всех сил государства разница в наших и германских технических средствах постепенно сглаживалась ... Еще с осени минувшего 1915 года враг наш уже не мог завладеть ни пядью Русской Земли, а весной и летом текущего года испытал ряд жестоких поражений и перешел на всем нашем фронте от нападения к обороне.

Силы его, видимо, истощаются, а мощь России и ее доблестных союзников продолжает неуклонно расти. Германия чувствует, что близок час ее окончательного поражения, близок час возмездия за все содеянные ею правонарушения и жестокости ... Чувствуя свое ослабление, она внезапно предлагает объединившимся против нее в одно неразрывное целое союзным

⁵⁹ Танки появились в 1916 г. в армиях союзников, а в 1918 г. в германской армии. В Русской армии их, даже заграничных, в те годы не было.

⁶⁰ История СССР. 1861-1917. Под ред. В.Г. Тюкавкина. М., 1989. С.375-377.

державам вступить в переговоры о мире. Естественно, желает она начать эти переговоры до полного выяснения ее слабости ... Но если Германия имела возможность объявить войну и напасть на Россию и ее союзницу Францию в наиболее неблагоприятное для них время, то ныне окрепшие за время войны союзники ... в свою очередь имеют возможность приступить к мирным переговорам в то время, которое они найдут для себя благоприятным...

Я не сомневаюсь, что всякий верный сын Святой Руси, как с оружием в руках вступивший в ряды славных Моих войск, так равно и работающий внутри страны на усиление ее боевой мощи или творящий свой мирный труд, проникнут сознанием, что мир может быть дан врагу лишь после изгнания его из наших пределов, только тогда, когда окончательно сломленный, он даст нам и нашим верным союзникам прочные доказательства невозможности повторения предательского нападения и твердую уверенность, что самой силой вещей он вынужден будет к сохранению тех обязательств, которые он на себя примет по мирному договору...».

Однако к тому времени идеи коалиционной войны и союзнического долга были сильно дискредитированы в сознании русского народа.

Антанта и Россия

Русская военная стратегия в 1914–1917 гг. во многом оказалась подчинена интересам западных союзников. Такое положение, возмутительное в любом случае, делалось нетерпимым в войне, бывшей для России Отечественной войной.

Хотя всех нюансов политики народная масса на фронте и в тылу не знала, в ней все больше укоренялось подспудное ощущение, что Россия несет основную тяжесть коалиционной войны, будучи поставлена в неравноправное положение перед союзниками своими же властью предрержащими. Общее убеждение было таково: «Союзники не помогают России так, как могли бы!» И по прошествии времени стало очевидно, что это спонтанное народное убеждение отражало истинное положение дел. Выше мы приводили признание английского министра Д. Ллойд-Джорджа на этот счет.

Объективным фактором такого положения была зависимость России от военного снабжения извне, о чем мы уже говорили. Дело усугублялось также финансовой зависимостью России, возникшей еще до войны. Внешний долг России в 1914 г. составлял 5,4 млрд. рублей (в золотом эквиваленте). За два с половиной года войны Российская империя увеличила этот долг (без учета процентов) еще на 6,3 млрд. рублей, а Временное правительство за восемь месяцев своего существования в 1917 г. – на 1,8 млрд.⁶¹ Часть внешних займов была сделана под залог российского золотого запаса. Еще в октябре 1914 года вступило в силу англо-русское соглашение о кредитах, по которому Россия должна была перевезти в Лондон часть своего золота. В декабре 1914 года Британия поставила окончательным условием, что золотом должно быть гарантировано не менее 40% займов, предоставляемых России⁶². В мае 1915 года Англия окончательно взяла в свои руки дело снабжения Русской армии оружием, боеприпасами и военным снаряжением. Британский военный министр Генри Китченер был признан Россией своим официальным уполномоченным по военным закупкам в США и Англии⁶³. Таким образом, уже в **1915 году Россия утратила право самостоятельных решений в такой важной области, как военное снабжение.**

Как обычно, возникает вопрос об альтернативах. Ясно, что такое положение возникло не за один-два года, а создавалось задолго до Первой мировой войны. Оно было объективным следствием промышленного и инфраструктурного отставания России от ведущих капиталистических стран. Важно учитывать, что в мировой капиталистической финансовой системе Россия не могла занять место выше того, на которое ей позволили бы встать державы, раньше ее сделавшиеся лидерами этой системы. Играя по чужим правилам, всегда будешь проигрывать. Иностраный капитал, без привлечения которого Российская империя не могла проводить индустриализацию на основе частного предпринимательства, участвовал в этом процессе в той степени, в какой обеспечивалось сохранение общего промышленного отставания России от ведущих стран Запада.

История XX века показала, что альтернатива этому у России могла быть только одна – выход из мировой капиталистической системы, даже противопоставление себя ей и развитие с опорой лишь на внутренние силы. Осуществить такую альтернативу могли только радикально-революционные общественные круги. Старая русская элита была слишком тесно вписана в существующую экономическую систему. Альтернатива указанного рода предполагала революцию против старой элиты. Логично ли будет упрекать последнего русского царя в том, что он не оказался революционером на троне?...

⁶¹ Н.Н. Яковлев. Ук. соч. С.183; А.И. Уткин. Ук. соч. С.264.

⁶² А.И. Уткин. Ук. соч. С.111-112.

⁶³ Там же. С.144.

Временное правительство, сменившее царское в 1917 г., тоже пыталось компенсировать отсутствие массовой социальной поддержки внутри страны опорой на финансовую и дипломатическую помощь Запада. Именно в те восемь месяцев 1917 года, когда страной правили буржуазные временщики, зависимость российской политики от держав Антанты достигла максимума. Иностранное давление на внутренние дела России совершалось тогда наиболее беспардонным образом за всю войну. В дальнейшем то же самое отсутствие прочной и широкой поддержки населения побудило вождей российской буржуазии непосредственно опереться на иностранные штыки, что придало масштабный и затяжной характер гражданской войне. Неимение иной опоры в самой России, кроме архаичного госаппарата, унаследованного от прошлого и совершенно неприспособленного к задачам современной тотальной войны, заставляло и самодержавие опираться на внешние силы – на тех же западных союзников. Это и обуславливало чрезмерную «чуткость» Царского Села и Могилева к запросам и требованиям, шедшим из Парижа и Лондона.

Помимо объективных, были и субъективные факторы. Русская элита уже два столетия сама себя ставила ниже Западной Европы. В Европе привыкли к самоуничтожению России. И поэтому редкие попытки российских официальных лиц ставить свою страну на одну доску с западными державами, позиционировать себя как равных среди равных, могли встретить и встречали со стороны союзников по Антанте лишь недоумение и неприязнь.

Алексеев посылал Жилинскому такие инструкции по поведению с союзниками: «Спокойная, внушительная отповедь, решительная по тону, на все подобные выходки⁶⁴ и стратегические нелепости, безусловно, необходима. Хуже того, что есть, в отношениях не будет. Но мы им очень нужны; на словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. За все нами получаемое они снимают с нас последнюю рубашку. Это ведь не условие, а очень выгодная сделка, но выгоды должны быть хоть немного обоюдны, а не односторонни»⁶⁵.

Приведя эту выдержку из письма, историк далее справедливо отметил: «Посылая эти мудрые советы, безвольный Алексеев не отдавал себе отчета в том, что “внушительная отповедь” союзникам – его дело как ответственного главнокомандующего и отнюдь не дело ген. Жилинского – инстанции подчиненной».

Однако когда Жилинский попробовал было действовать по такой инструкции, заявив, что «он не французский генерал, а представитель русского императора»⁶⁶, это тут же вызвало бурный протест французского главнокомандующего генерала Жоффра. Он в резких выражениях потребовал отозвания русского представителя, что и было Николаем II исполнено (ноябрь 1916 г.).

В негласной иерархии Антанты Россия стояла ниже не только Франции и Англии, но и Италии и Японии. Третирование России как второсортной державы было характерным для отношения к ней союзников. Последние при этом не чурались прибегать к изощренной софистике, чтобы оправдать свои беспардонные претензии. Так, французский посол Морис Палеолог заявил 19 марта (1 апреля) 1916 г. Б. В. Штюмеру, председателю российского Совета Министров, «что Россия могла бы сделать для войны втрое или вчетверо больше». На возражение российского премьера о том, что Россия потеряла уже около миллиона человек, посол ответил, что Франция, относительно своей численности населения, потеряла в четыре раза больше, чем Россия.

Чисто формально, как мы уже убедились, посол был близок к истине. Оправдывала ли эта статистика его заявление? Ничуть. Дело даже не в том, что он без зазрения совести фактически

⁶⁴ Угрозу Франции прервать поставки оружия в Россию, если Русская армия не будет наступать там и тогда, где и когда ей укажет французское командование.

⁶⁵ Цит. по: А.А. Керсновский. Ук. соч. С.594.

⁶⁶ Предисловие издательства к кн.: М. Палеолог. Царская Россия накануне революции (Дневник посла) (пер. с фр.). М., 1991 (репринт 1923 г.). С.7.

требовал крови еще нескольких миллионов русских людей, принесения их в жертву «общему делу союзников». Показателен расистский тон его утверждений о более высокой ценности французов сравнительно с русскими: «При подсчете потерь обоих союзников центр тяжести не в числе, а совсем в другом. По культурности и развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия – одна из самых отсталых стран в свете: из 180 млн. жителей 150 млн. неграмотных⁶⁷. Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию ... С этой точки зрения наши потери чувствительнее русских потерь»⁶⁸.

Палеолог со своими рассуждениями вовсе не был оригинален на фоне русской элиты. Его высказывания вполне могли (на что и были рассчитаны) найти сочувственный отклик у любого русского барина с его взглядом на русский народ как на рабочую скотинку, стоящую по всем понятиям ниже любого западноевропейца. Посол Франции всего лишь воспроизводил то отношение к русскому народу, которое давно уже стало как бы визитной карточкой русской элиты в «цивилизованном мире». Его заниженная оценка культурного уровня русских также происходила из мифов, веками создававшихся российским правящим классом. Вспомним, как за сто с небольшим лет перед этим Ш.-М. Талейран, отставленный министр иностранных дел Наполеона I, начал свои секретные переговоры с русским императором Александром I с таких характерных слов: «Русский государь цивилизован, а русский народ не цивилизован, ... французский народ цивилизован»⁶⁹.

Герой повести Константина Паустовского «Романтики»⁷⁰ Максимов думал в июле 1914 года о том, «что стоит умереть ради Москвы и Парижа – двух вечных городов, двух родин». Такое настроение в русском интеллигенте не казалось чем-то противоестественным ни ему самому, ни тем, за кого он собирался погибать, убежденным в превосходстве своей культуры. Французский посол со своим цивилизаторским пафосом и расистским снобизмом по отношению к России был всего лишь зеркалом русской элиты.

Вмешательство послов союзных держав во внутренние дела России принимало иногда такие формы, словно Россия была их колонией, а они сами – ее генерал-губернаторами. Упомянутая беседа между Палеологом и Штюмером состоялась тогда, когда посол зашел к российскому премьеру, чтобы предъявить ему... жалобу русских промышленников на действия русской же полиции, якобы мешавшие их заводам работать на оборону.

Когда в июле 1916 года британский премьер Герберт Асквит упомянул в парламенте о возможности привлечения германского кайзера после войны к суду за военные преступления, это вызвало критику в печати всех союзных держав. Русский консервативный публицист П. Булацель заявил на страницах журнала «Русский Гражданин» по этому поводу: «Нам вменяют в обязанность воевать не только до тех пор, пока наши упорные, храбрые и сильные враги – германцы признают себя сломленными и согласятся на почетный и выгодный для России мир, а до тех пор, пока царствующая в Германии династия Гогенцоллернов не будет низложена русским штыком ... Англичане, продвинувшиеся за два года войны на своем фронте на несколько сот метров, этого не могут сделать сами»⁷¹.

Совершенно понятны патриотические мотивы, двигавшие публицистом в этом заявлении – это никакое не «германофильство». Но, конечно, такие открытые и резкие выпады против союзника были недопустимы в военное время. Наказание, которому подвергнулся Булацель, поражает своей нарочитой оскорбительностью для русского подданного (и для России

⁶⁷ Совершенно неверные сведения – Прим. издательства источника.

⁶⁸ М. Палеолог. Ук. соч. С.93-95.

⁶⁹ Е.В. Тарле. Наполеон. М., 1957. С.228.

⁷⁰ Отчасти автобиографической.

⁷¹ Цит. по: С.С. Ольденбург. Ук. соч. Т.2. С.198.

вообще). С согласия своего правительства он должен был явиться к британскому послу Джорджу Бьюкенену, выслушать от него резкий выговор и принести извинение.

Оружие, доходившее до наших войск от союзников, далеко не всегда было надлежащего качества. Летом 1917 года председатель Временного правительства А. Ф. Керенский по результатам войсковых испытаний полученного вооружения поручил министру иностранных дел М. И. Терещенко: «Укажите соответствующим послам, что тяжелая артиллерия, присланная их правительствами, видимо, в значительной части из брака, так как 35% [стволов] не выдержали двухдневной умеренной стрельбы»⁷².

«Нашлись бы у них [союзников] и снаряды, и самолеты (и все – хорошего качества), разговаривай с ними Россия своим природным царственным языком – единственным, на котором мы должны разговаривать с Европой»⁷³, – писал историк, благожелательно настроенный к Николаю II. Его пожелание было неосуществимо по уже отмеченным объективным причинам, над которыми русский царь, какими бы личными качествами он не обладал, был в тот момент не властен.

Политика Антанты в отношении России была направлена к тому, чтобы выжать из нашей страны максимум возможного для ослабления врага, после чего Россию как отработанный материал следовало отбросить в сторону. К концу войны Россия должна была сделаться слабой, чтобы с ее интересами можно было не считаться. На тот случай, если этот момент ослабления России наступит прежде достижения победы над Центральными державами, у союзников был заготовлен запасной вариант. России предстояло сыграть роль «выжатого лимона», после чего окончательная победа Антанты в войне обеспечивалась помощью со стороны США.

С 1897 года между США, Англией и Францией существовало секретное соглашение, о котором стало известно только в 20-е гг. прошлого века. По нему западноевропейские державы обязывались не препятствовать реализации интересов США за счет третьих стран (что проявилось уже в войну США с Испанией в 1898 году). В свою очередь, США предоставляли Франции и Англии статус наибольшего благоприятствования в случае войны тех с Германией. Договоренность не предусматривала обязательства США вступить в войну против Германии, однако такой вариант не исключался. И, действительно, весь ход событий Первой мировой войны подвел к нему.

Одним из ярких примеров отношения союзников к России стала судьба четырех русских Особых бригад, посланных Россией на другие фронты Первой мировой в 1916 году. Обычно, говоря об этих бригадах (часто неправильно называемых «русским экспедиционным корпусом»), вспоминают две бригады, воевавшие во Франции. Куда меньше вспоминают о других двух бригадах, сражавшихся на Балканах, и почти никогда – о том, как союзники поступили с большинством военнослужащих этих бригад.

Когда в декабре 1915 г. в Россию с требованием от Франции направить 400 тысяч русских солдат на зарубежные фронты прибыл французский сенатор Поль Думер, генерал Алексеев был категорически против. Он справедливо считал, что русские солдаты принесут больше пользы общесоюзному делу на своем фронте. Однако государь настоял на политическом решении данного вопроса. Правда, французское требование было урезано до семи бригад общей численностью менее 100 тысяч человек. В действительности, всего были посланы четыре Особые бригады, службу в которых за два года прошли в общей сложности около 60 тысяч человек.

1-я и 3-я бригады были отправлены во Францию, 2-я и 4-я на Балканы. Роль этих соединений была различной. Во Франции две бригады (примерно одна дивизия) были почти незаметны на общем фоне 160–170 дивизий союзников. На Балканах же воевали всего два десятка дивизий союзников (самых разных – французских, английских, сербских, итальянских, потом

⁷² Цит. по: Предисл. к кн.: М. Палеолог. Ук. соч. С.8.

⁷³ А.А. Керсновский. Мировая война. (Белград, 1939). // «Москва». 1998, №10. С.197-198.

еще греческих). Там роль русских войск была значительно не только количественно, но и по вкладу в боевые операции. Уже 6 (19) октября 1916 г. французский главнокомандующий генерал Сарраиль в приказе по Восточной армии (так назывались международные войска союзников на Балканах) отметил храбрость русских войск в боях за город Флорина на севере Греции.

Влияние революции 1917 года не обошло и эти наши войска за границей, однако было бы неверно сводить к нему все случившееся с ними. Известно, что хотя в советское время существовала установка всюду в революционном движении искать «руководящую роль партии большевиков», однако даже автор фундаментальной работы⁷⁴ о русских войсках во Франции не смог обнаружить там никакой большевистской организации. До русского контингента на Балканах эхо революции вообще докатывалось с огромным запозданием. Так, солдатские комитеты, учрежденные приказом Временного правительства в мае 1917 г., были образованы там только в августе, а введенные в июле «военно-революционные суды» – лишь в ноябре, уже после падения Временного правительства.

Значительно сильнее на эти войска влиял общий революционный кризис, охвативший в то время Западную Европу. Явления разложения стали отмечаться в русских бригадах во Франции уже зимой 1916/17 г. Летом 1917 г. в самой французской армии волнения происходили в 16 корпусах из 36⁷⁵! Под их непосредственным влиянием солдаты 1-й русской бригады, расквартированные в местечке Ла-Куртин, стали требовать отправки на Родину. Силами более свежей 3-й бригады ла-куртинский мятеж в сентябре 1917 г. был подавлен. Одна русская военная часть стреляла в другую, причем по приказу французского командования, за два месяца до того, как первые выстрелы гражданской войны раздались в самой России.

После падения Временного правительства, 3 (16) ноября 1917 г. французский военный министр Жорж Клемансо издал приказ, согласно которому военнослужащие русских Особых бригад подлежали сортировке на три категории: желающие сражаться в рядах французской армии, согласные работать на французскую армию, несогласные делать ни то ни другое. Последняя категория подлежала отправке на каторгу. Чтобы уяснить всю «пикантность» ситуации, вспомним, что в это время Россия еще не заключила перемирия и формально числилась по-прежнему воюющей на стороне Антанты.

Среди солдат 1-й и 3-й бригад во Франции решили записаться во французскую армию 252 человека (по другим источникам 266). 11,5 тысяч записались в рабочие отряды. Около 5 тысяч предпочли всему этому каторгу в Алжире. Они присоединились к уже находившимся там примерно 8 тысячам осужденных участников ла-куртинского мятежа⁷⁶.

Эта же система «трияжа» в январе 1918 г. была применена к русским солдатам на Балканском фронте. Около 500 военнослужащих 2-й и 4-й Особых бригад завербовались во французскую армию. Примерно 1200 стали военными рабочими. Около 12 тысяч добровольно отправились на каторгу⁷⁷. Судьба этих каторжан исследована только в одной работе⁷⁸, причем число наших соотечественников, навсегда оставшихся в песках Сахары, до сих пор неизвестно даже приблизительно.

Отметим международно-правовой аспект вопроса. Коль скоро Россия вышла из войны, то на ее военнослужащих должен был распространяться статус граждан нейтрального государства. Если Франция не нашла в себе достаточно великодушия, чтобы позволить этим солдатам после всего, что они сделали для союзников в 1916 и в начале 1917 гг., вернуться на Родину, то она обязана была, по крайней мере, уважать их права как интернированных лиц. Вместо этого

⁷⁴ Д.У. Лисовенко. Их хотели лишить Родины. М., 1960.

⁷⁵ А.М. Зайончковский. Ук. соч. С.643.

⁷⁶ А.Ю. Павлов. Русские войска во Франции в период Первой мировой войны. // Новый часовой. 1994, №2.

⁷⁷ А.Ю. Павлов. Русские войска на Македонском фронте во время Первой мировой войны. // Новый часовой. 1997, №5.

⁷⁸ А.Б. Летнев. Алжирская Одиссея. Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте. // Мир истории. 2001, № 8; 2002, №№ 1, 2.

Франция применила к русским подданным такие же нормы, как к завербованным солдатам своего «Иностранного легиона».

Нет смысла кичиться сравнением боевых заслуг. Нельзя утверждать, что Россия внесла наибольший вклад в коалиционную войну Антанты. Известно, что Германия – главное звено Четверного союза – большинство своих потерь в 1914–1918 гг. понесла на Западном фронте. В то же время очевидно, что без помощи России Франция была бы разгромлена уже в 1914 году. Русский фронт оказывал огромное влияние на ход Первой мировой войны, в разное время притягивая на себя от одной трети до половины всех сухопутных сил Четверного союза. Даже после заключения Брестского мира в 1918 году этот фронт фактически продолжал существовать, не говоря уже о революционном разложении, вносимом Советской Россией в стан Центральных держав. Западные союзники не имели никакого морального права упрекать Россию в «измене союзническому долгу». Ведь к подписанию «похабного» мира Россию в немалой степени подвела именно их политика в ходе войны.

Глава вторая

Самодержец со связанными руками

Царь и элита

Историку всегда следует быть осторожным, имея дело с суждениями современников о политически неудачных вождях. Особенно если с их падением оказалось связано крушение целых общественных классов. Вполне естественно, что представители этих классов, оказавшись «у разбитого корыта», ищут виновных своей исторической неудачи. Для русской дореволюционной элиты найти такого виновного, «козла отпущения», очень легко, коль скоро ее формальным главой на протяжении долгого времени был сам государь император.

Негативный миф о Николае II сложился при его жизни усилиями самой элиты. Николай II, с точки зрения «модернизовавшейся» элиты, жаждавшей политической конкуренции (т.е. «демократии»), свободной от служения государственным интересам, не был, с ее точки зрения, достаточно эффективным «политическим менеджером». В этом – корень внутриэлитной оппозиции царю, непрерывно усиливавшейся все время последнего царствования. Задолго до 1917 г. в элитных кругах возникли планы отстранения Николая II от власти и «мирной» замены самодержавия конституционным строем. Подразумевалось, что вся власть при этом останется в руках все той же элиты, деятели которой, однако, теперь на «вольной воле» развернут межпартийную борьбу за министерские портфели и привилегии.

В начале XX века многие представители правящего слоя Империи были тесно связаны с кругами российской буржуазии благодаря совместному участию в деловых операциях. Для предпринимательского класса это была одна из форм влияния на государственную власть и принятие политических решений. Правящая и деловая элита были тесно связаны и родственными узами. В начале XX века это был уже во многом единый класс общества.

Именно этой новой классовой самоидентификацией следует объяснять политическое поведение многих «слуг царевых» в начале XX века. Министры и губернаторы в ряде случаев прямо потворствовали действиям либеральной оппозиции, искренне полагая, что предотвратить революцию можно только расширением социально-политической опоры власти и изменением механизмов властвования. Для них парламентарная монархия становилась более важной и актуальной целью, чем сохранение прежнего самодержавия. Блок либеральных сановников и верхушки буржуазии окончательно оформился как раз во время Первой мировой войны и проявился в совместном натиске на самодержавие.

С точки зрения интересов российской элиты в целом это была, в принципе, разумная и дальновидная позиция, но лишь теоретически. Успеху ее практической реализации препятствовало то, что подобная трансформация неминуемо сопровождалась ослаблением вертикали власти, говоря нынешним языком. В условиях, когда «внизу» все бурлило и клокотало, политическое единство и согласие в рядах элиты оказывалось единственным средством ее самосохранения.

Но данное обстоятельство, прекрасно осознававшееся всеми в элитных слоях, парадоксальным образом подрывало почву для единства. Впрочем, давно надо бы усвоить: если нечто в истории выглядит как парадокс, значит, оно просто еще недостаточно нами понято. Сторонники самодержавия (и сам Николай II) полагали, что общая угроза в конце концов заставит элиту сплотиться вокруг своего традиционного вождя – монарха. Это был теоретически верный посыл. Но не менее логически обоснованно либеральные элитарии считали, что эта же опасность заставит самодержавие пойти на соглашение с ними на их условиях.

В новой обстановке значительная часть правящего класса утратила традиционную этику служения монарху, пытаясь найти удовлетворение своих интересов в различных реальных и фантастических политических комбинациях. На фоне этого объективного процесса личные качества самого императора мало что могли значить и изменить.

В 1905–1906 гг. важным условием подавления революции стало лояльное к монархии поведение офицерского корпуса. Такие, как лейтенант флота П. П. Шмидт, были среди него редчайшим исключением. Можно уверенно сказать, что психология офицерского корпуса в целом не менялась и к 1917 г., когда антимонархическая революция победила. В это время, как и в 1905 г., большинство офицеров были готовы по приказу авторитетной власти усмирять толпу. Почему же они тогда не выступили в защиту самодержавия, а высший генералитет оказался непосредственно замешанным в свержении царя? Это объясняется лишь тем, что верховный глава государства утратил в их глазах личный авторитет. Более того, многим тогда представилось, что отстранение от власти Николая II укрепит позиции элиты. Это было заблуждением, но характерным заблуждением – его разделяли очень многие и в армейских, и в штатских верхах.

Живучесть негативного мифа о Николае II объясняется многими причинами. Оказавшиеся в эмиграции осколки «старого мира» сваливали на покойного монарха собственные просчеты и собственную государственную несостоятельность. Для части монархистов казалось выгодным списывать причины падения монархии на личные качества последнего государя, ибо только так они могли защищать от нападков самый принцип самодержавия. Для бывших революционеров, казалось бы, не было необходимости поддерживать миф о «безвольном», «неспособном» Николае II. Даже наоборот – этим мифом только принижалось значение революции, ибо велика ли доблесть – свергнуть *такого* царя?! Но поскольку и реабилитировать образ Николая II у революционеров не было особого резона, то не ими созданный миф переключался и в советскую историографию, надолго утвердившись в качестве большевистского «канона» последнего русского государя.

Серьезные историки давно доказали, что за легендами о влиянии Распутина и других «темных сил» на Николая II стоят лишь измышления политических противников государя. Эти легенды были орудием информационной войны, ведшейся против самодержавия. Здесь нет места подробно разбирать всю их аргументацию, отметим лишь как общеизвестный факт, что ныне ни один настоящий исследователь не рассматривает вышеуказанные «влияния» в качестве реальных источников политики Николая II.

Последний российский император был традиционным вождем и верховным выразителем интересов российской элиты. Он направлял свою политику в соответствии со своим пониманием этих интересов, за которыми, как он считал, стоят подлинные интересы всей России. **И любые ошибки и просчеты последнего царствования – это, прежде всего, результат неадекватности самой российской элиты нуждам и перспективам исторического развития нашей страны.**

Николай II в продолжение всего своего царствования осуществлял программу глубокой и всесторонней *капиталистической* модернизации России. По способности к долгосрочному планированию это был один из выдающихся монархов, которых когда-либо знала наша страна. Стратегический замысел реформ С. Ю. Витте и П. А. Столыпина был на самом деле продиктован им. Проблема была не в том, что государь как-то их тормозил, а в том, что они лишь ограниченно отвечали объективным потребностям страны. Они в значительной степени представляли собой паллиативные меры, не решая многих актуальных задач России, а лишь отодвигая эти решения и при этом создавая новые проблемы. Историческую обреченность реформ Витте и особенно Столыпина (которые здесь нет возможности подробно разбирать) автор усматривает в том, что они проводились исключительно в интересах узких слоев частных собственни-

ков, а не большинства народа. Более того, подталкивая развитие России по буржуазному пути, они еще больше противопоставляли элиту России ее народу.

Но была ли у Николая II альтернатива? Чтобы проводить модернизацию России на иной основе, кроме частного капитализма, он должен был сам совершить революцию против «священного права» частной собственности. Неоцененный при жизни реакционный пророк Константин Леонтьев еще в 80-е гг. XIX века видел спасение монархии лишь в одном: чтобы сам царь возглавил движение России к социализму! Можно сказать, что это действительно стало пророческим предвидением, сбывшимся, правда, уже на почве, созданной революцией (Сталин). Во времена Николая II рецепт Леонтьева был неосуществимой утопией. Во всяком случае для самого Николая II, который во всех своих делах избегал крутой ломки устоявшихся, даже отживших отношений, был убежденным сторонником эволюции.

К этой черте последнего императора можно относиться по-разному. Но совершенно ясно, что уж кто-кто, а дореволюционная элита не имела никакого морального права упрекать Николая II за нее. Он делал все, от него зависевшее, чтобы при неизбежной трансформации общественно-экономического строя России группы старой элиты постепенно и безболезненно вживались в новый буржуазный порядок.

Политика Николая II была жестко детерминирована классовыми рамками. Последний царь не выходил за них и твердо блюл интересы российской элиты. Политический крах самодержавия был не его личной неудачей, а историческим поражением российских элитных классов вообще.

Однако среди современников Николая II мало кто осознавал эту роковую связь между монархией и элитой. Николай II понимал ее глубоко и отдавал себе отчет в том, что гибель старого строя будет одновременно гибелью прежней элиты. Именно этим объясняется его упорство в отстаивании прерогатив самодержавия, его, как казалось многим со стороны, «нежелание поделиться властью». Царь был убежден, что претендующая на власть либеральная часть элиты вернее погубит себя, когда дорвется до рычагов реального управления страной, ибо не сможет с ними совладать. И разве, глядя на совершившееся, не приходится признать полную правоту его политического предвидения или чутья?!

Растиражированное политическими противниками царя мнение о «безволии» Николая II, отсутствию у него собственной позиции, его подверженности сторонним влияниям опровергается самим фактом незыблемой преданности государя идеалу самодержавия. При ближайшем же рассмотрении, во всех политических действиях царя обнаруживается наличие твердой и непреклонной воли. «Его манеры настолько скромны и он так мало проявляет внешней решимости, что легко придти к выводу об отсутствии у него сильной воли, – сообщал германский посол в России своему правительству вскоре после восшествия Николая II на престол, – но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определенная воля, которую он умеет проводить в жизнь самым спокойным образом»⁷⁹.

Воля Николая II проявлялась не в импульсивных порывах и демонстративном подавлении чужого мнения, а в неуклонном следовании к поставленным целям. Он был «человеком длинной воли», как с восхищением назвал подобный тип политиков реакционный итальянский философ XX века Юлиус Эвола.

В последнее время про Николая II стала распространяться другая легенда: что его политическое поражение было обусловлено его недостаточной решительностью в борьбе с революцией. В наиболее грубой форме такая позиция выражается следующим образом: если бы царь вовремя перестрелял всех революционеров, то они не убили бы его. Эта точка зрения вообще ни на чем не основана. Она противоречит как реальным фактам, так и идеальным целям царствования.

⁷⁹ Цит. по: С.С. Ольденбург. Ук. соч. Т.1. С.38.

Безусловно, что Николай II, как все душевно здоровые люди, не был излишне жестоким человеком. Но неверно полагать, что он воздерживался от репрессий в отношении политических врагов по каким-то ложно понятым соображениям морали или религиозности. К репрессиям Николай II прибегал в меру государственной необходимости и в соответствии с царским долгом, как он сам понимал эти материи. Он без заметного колебания разрешил применить оружие против мирных манифестантов 9 января 1905 года. Впоследствии он собирался отдать приказ о введении диктатуры в октябрьские дни 1905 года. Но в тот момент его воля оказалась парализована саботажем его ближайшего же окружения, и ему пришлось пойти на политические уступки. Еще более фатально он оказался скованным своим окружением в февральские дни 1917 года, когда намеревался двинуть войска на подавление восстания в Петрограде.

Собираясь во всех этих случаях действовать решительно, не останавливаясь перед большим кровопролитием, Николай II защищал не личную власть, не личный статус. Его он в те моменты вернее всего сохранил бы соглашением с оппозиционными группами элиты. Николай II отстаивал принцип самодержавия, в котором, как он верил, заключалось благо России. И отстаивал его до конца. **В последнем государе отживающий политический режим имел своего самого решительного и энергичного защитника.**

Необходимо помнить, что среди политических противников самодержавия значительное место занимали элитные группы русского общества. Борясь с оппозицией в их рядах, самодержавию, по необходимости, приходилось соразмерять силу репрессий. Еще один закономерный парадокс: любые проскрипции элиты ослабляли бы социальную опору монархии. Глубинные интересы монархии и российских имущих классов были связаны неразрывно. Пусть мало кто из элитариев в начале XX века осознавал эту связь. Зато ее прекрасно осознавал сам государь. Во внутриэлитной борьбе царь, естественно, применял другие средства, чем в борьбе с революционерами. Таким образом, мнение о политической «мягкотелости» Николая II лишено всяких оснований.

Одним из мотивов фрондирования элиты в царствование Николая II стали некоторые свойства его политического менеджмента. Весьма характерным примером здесь может служить отставка председателя Совета министров и министра финансов В. Н. Коковцова в январе 1914 г. В личном письме царь объяснил премьеру его увольнение тем, что, по сложившемуся у него убеждению, «соединение в одном лице должности председателя Совета министров с должностью министра финансов или министра внутренних дел – неправильно и неудобно», а также тем, что на этом посту должен находиться «только свежий человек»⁸⁰. Однако вместо 60-летнего Коковцова премьером был назначен 74-летний (!) И. Л. Горемыкин, а министром финансов – лишь ненамного более «свежий» П. Л. Барк (55 лет). Впоследствии Николай II допустил совмещение поста премьера с одним из ключевых министерских постов явно «несвежим» человеком (68-летний Б. В. Штюрмер в 1916 г.), так что выдвинутые в письме причины отставки были надуманными и неискренними. Показательно и то, что царь не сообщил об истинном мотиве увольнения Коковцова – о своем намерении ввести в России «сухой закон», чему министр, по финансовым соображениям, противился.

Ну и что из того?! Да, эта черта царя вызывала недовольство, породила толки о двуличии, о двоедушии императора. Отставленные таким путем министры охотно могли поверить слухам, будто их отставка была вызвана влиянием на царя пресловутого Распутина или кого-то еще. Легче легкого сказать, что царь мало заботился о своем имидже среди ближайшего окружения. Но ведь в XIX веке, уже и после убийства Павла I, бывали русские самодержцы с гораздо худшим характером. Однако в их времена никому не приходило в голову именно на этом основании создавать политическую оппозицию и играть в революцию. Это был надуманный предлог для недовольства царем. И он яснее всего показывает, что именно в правящей

⁸⁰ С.С. Ольденбург. Ук. соч. Т.2. С.106

элите всегдашние «слуги царицы» в этот период, независимо от личных качеств царя, утрачивали этику государственного служения.

В этой связи можно вспомнить сцену из недописанного Н. В. Гоголем второго тома «Мертвых душ», где тяжелый по характеру обращения с людьми, но лично честный генерал-губернатор вразумляет подчиненных: «Все-таки скорей подчиненному следует примениться к нраву начальника, чем начальнику к нраву подчиненного. Это законней по крайней мере и легче, потому что у подчиненных один начальник, а у начальника сотни подчиненных». При любом, даже самом демократическом строе чиновники зачастую вынуждены терпеть значительно более грубые бестактности от своих начальников, чем те, которые позволял себе Николай II (если то, что он допускал, вообще повернется язык назвать бестактностями). То, что обычно (и даже больше!) терпят от мелкого столоначальника, здесь не хотели прощать царю! Ясно, что в данном случае дело заключается не в личных свойствах государя, на редкость деликатного судя по многим, даже недоброжелательным к нему, свидетельствам, а именно в этическом перерождении правящего класса. Это был объективный процесс, остановить который было не под силу никому, кто бы ни оказался в то время на месте Николая II.

Николай II не отвечал изменившемуся мировоззрению элитных слоев лишь потому, что в самом этом мировоззрении больше не находилось места для самодержца, которому нужно служить не за страх, а за совесть, невзирая на черты его личности. Опять же, можно сказать, что такое положение требовало от царя изменить характер политических взаимоотношений с элитой. Но выше мы подробно объяснили, почему Николай II не мог в то время на это изменение пойти, имея ввиду, прежде всего, интересы и благополучие все той же элиты.

Как всякий смертный, Николай II не был застрахован от ошибок, мешавших достижению намеченных им целей в той или иной области политики. Мы даже не будем заниматься конкретным перечислением и разбором этих ошибок, так как любой взгляд на этот предмет всегда будет субъективным, а главное – не в нем суть. Нельзя доказать, что именно цепь ошибок царя привела самодержавие к крушению, и что, действуй он в том или другом случае иначе, по-иному бы могла сложиться и судьба Империи. Во всех государствах, где существует известное единство внутри элиты, последняя старается сгладить ошибки своего государственного вождя. В России начала XX века эти ошибки усиленно отыскивались (даже там, где их не было) и выставлялись напоказ именно представителями элиты. Любые удачные или неудачные решения и действия Николая II имели в сущности ничтожное значение на фоне более важного факта эпохи – усиливающегося расхождения между самодержавием и русской элитой по вопросу о коренных основах политического строя.

Поведение элитных классов российского общества в начале XX века можно сравнить с поведением взбесившихся пассажиров корабля, попавшего в бурю. Буря (в данном случае революция) – стихийное, неизбежное явление. Но им кажется, будто капитан (Николай II) по неумению завел их в самое сердце бури. Они насильно сводят капитана с мостика, запирают в трюм и пробуют рулить сами и отдавать команды матросам. Обреченный корабль тонет вместе с капитаном, экипажем и всеми пассажирами... Тогда как если они и могли бы спастись, то лишь продолжая слушаться во всем капитана.

Непризнанный стратег

Когда летом 1915 года в стране разразился первый с начала войны политический кризис (о нем ниже), Николай II разрешил его очень удачным ходом – сам, без посредствующей фигуры, стал во главе Действующей армии. «Решение Николая II взять на себя верховное главнокомандование было, по-видимому, его последней попыткой сохранить монархию и положительным актом предотвратить надвигающийся шторм ... Решительный шаг государя подавал какую-то надежду на восстановление традиционной связи между монархией и армией. Николай II справедливо считал, что занимая пост Верховного главнокомандующего он сможет возродить и усилить личную преданность ему генералитета, офицерства и простых солдат»⁸¹. Тем не менее, этот шаг царя резко критиковался и тогда, и впоследствии. Многие говорили, что данное решение государя стало фатальным для монархии. Однако никто так и не смог представить в пользу такого суждения какие-либо веские аргументы.

Во всей этой критике всегда четко просматривался один мотив: царь сместил Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича вопреки мнению «общества», то есть элитных слоев. Этим, очевидно, и исчерпывалась «фатальность» царского решения: царь противопоставил себя фрондирующим группировкам элиты, отстранив их любимца, заигрывавшего с либеральной общественностью. Вследствие чего эти группировки почувствовали себя ущемленными и с удвоенной энергией повели борьбу за дискредитацию и свержение Николая II. Но в таком случае изображение царского решения как «рокового» есть не что иное, как взваливание вины с больной головы на здоровую. Ибо кто, как не само «общество», было повинно в критике государя и в подготовке почвы для революции?

Генерал Брусилов, который, при всех своих несомненных военных дарованиях, в политической сфере был всего лишь бездумным транслятором умело инспирируемого «общественного мнения», писал про решение Николая II стать во главе армии: «Принятие на себя должности Верховного главнокомандующего было последним ударом, который нанес себе Николай II и который повлек за собой печальный конец его монархии». Однако прославленный генерал не задался трудом хотя бы пояснить: каким именно образом?

Правда, он прямо утверждает о несоответствии Николая II должности Верховного главнокомандующего: «Было общеизвестно, что Николай II в военном деле решительно ничего не понимал и что взятое им на себя звание будет только номинальным, а за него все должен будет решать его начальник штаба. Между тем, как бы начальник штаба ни был хорош, допустим даже – гениален, он не может по сути дела везде заменять своего начальника ... Отсутствие в сущности настоящего Верховного главнокомандующего очень плохо сказалось во время боевых действий 1916 года, когда мы по вине верховного главнокомандования не достигли тех результатов, которые могли легко повести к окончанию вполне победоносной войны и к укреплению самого монарха на колебавшемся троне»⁸².

Во-первых, в не столь удачных, как хотелось бы, результатах кампании 1916 года есть немалая вина самого Брусилова, неудачно действовавшего на следующих, после тактического прорыва, этапах Луцкой операции. Во-вторых, при том стратегическом плане, который Русская армия имела на ту кампанию, вообще невозможно говорить, что она могла бы уже в том году победно закончить войну. Но это не был план Николая II – это был план союзников и русского генералитета, совместными усилиями настоявших перед царем на его принятии.

⁸¹ Г.М. Катков. Февральская революция. Париж, 1984. С.58.

⁸² А.А. Брусилов. Ук. соч. С.185-186.

Объективный анализ позволяет утверждать, что, вопреки всем конъюнктурным домыслам и самооправданиям современников, **Николай II как военный стратег стоял не ниже большинства своих генералов.**

Период самых тяжелых для России поражений пришелся на то время, когда Верховным главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич. Вопреки распространявшейся вокруг него либеральным обществом легенде «великого полководца», он был ничемным стратегом. В частности, великий князь был непосредственно повинен во многих неудачах Русской армии, особенно в катастрофе в Галиции в мае 1915 года.

Свои стратегические идеи Николай II впервые пытался осуществить еще в начале 1915 года, до вступления в Верховное командование. Это было предложение провести высадку десанта на турецкое побережье в непосредственной близости от Стамбула и захватить Босфор совместно с союзниками, десантировавшимися у Дарданелл, или в одиночку. Повторно царь вернулся к идее десантной операции в конце того же года. О том, какая судьба постигла эти замыслы, мы упомянули в предыдущей главе.

Стратегический план кампании 1916 года был навязан России союзниками и полностью поддержан начальником штаба царя, «одаренным» генералом Алексеевым. Перед его обсуждением в Шантильи, правда, Алексеев выдвинул свое предложение. Внешне оно выглядит близким к планам Николая II. Но сходство тут только кажущееся. Алексеев считал, что главный удар следует наносить силами появившегося у союзников нового Балканского фронта. Это действительно было слабое место обороны Четверного союза, что показали события конца 1918 года. Однако и у союзников пока не было возможности настолько усилить там свои войска, чтобы нанести противнику решающее поражение. Алексеев предлагал двинуть на этот фронт 16 русских корпусов. Однако каким образом они могли туда попасть при нейтралитете Румынии и неприятии самим Алексеевым идеи десанта против Болгарии или Турции – план Алексеева не раскрывал. В общем, этот продукт «полководческого таланта» начальника штаба Верховного как будто заранее был рассчитан на то, чтобы стратегическое планирование союзников не встретило с русской стороны достойной альтернативы.

При планировании кампании 1917 года заместитель Алексеева генерал от кавалерии Василий Гурко и генерал-квартирмейстер штаба генерал-лейтенант А. С. Лукомский предложили наносить главный удар силами Румынского фронта с целью вывести из войны Болгарию и установить связь с Балканским фронтом союзников. Это было близко основной стратегической идее государя – искать решения войны на южных ТВД. Однако Алексеев сделал все, чтобы похоронить этот замысел. Роль Алексеева в этих событиях довольно неприглядна. Год назад он сам высказывал идеи, сходные с планом Гурко – Лукомского. Теперь же он, опираясь на мнения полных стратегических нулей – генералов Эверта и Рузского, отверг этот план еще на стадии обсуждения. Он представил государю собственный план, основанный на шаблонном повторении кампании 1916 года с нанесением главного удара силами Юго-Западного фронта. Царь, не информированный об альтернативных предложениях, утвердил этот план Алексеева. Одновременно, однако, Николай II распорядился готовиться к десантной операции на Босфоре, которая должна была состояться в апреле 1917 года. Но, даже если бы не было революции, нетрудно представить, что замысел такой операции, скорее всего, постигла бы та же участь, что и в 1915 году.

Анализ стратегических предположений Николая II показывает: **царь неизменно указывал, что врага надо бить там, где он слабее всего, в его мягкое подбрюшье!** Но большинство его генералов предпочитали вновь и вновь в лоб атаковать врага. Тяжелые потери у Нарочи и на Стоходе ничему их не научили. Впрочем, **учитывая зловещую предательскую роль ряда военачальников при подготовке «дворцового переворота» и во время Февральской революции, возможно, что они сознательно саботировали планы царя,**

способные принести России победу. Ибо не желали делить плоды этой победы с монархом или, что то же самое, не желали победы императорской России.

Как же поступил царь? Так же, как в этой ситуации, наверное, поступил бы любой на его месте. Встречая единодушное неприятие «экспертов», он ждал до тех пор, пока жизнь не покажет их неправоту. Что же она показала? В конце 1918 года прорывы союзников на Балканском и Палестинском фронтах привели к быстрому выводу из войны Болгарии и Турции, после чего вся геостратегическая система обороны Четверного союза в считанные дни рухнула как карточный домик. Как и предвидел Николай II. Только к тому времени уже ни царя не было в живых, ни России – среди победителей...

«Русский Царь уже не был хозяином в своей стране – не был хозяином своей вооруженной силы. Дважды он повелевал овладеть Константинополем – и дважды это повеление не было исполнено Его военачальниками (Великим князем в мае и ген. Щербачевым в ноябре 1915 г.). А когда Государь назначил в третий раз овладеть Царьградом в апреле 1917 г. – все сроки оказались безвозвратно пропущенными. Вот основной стержень русской драмы в Мировую войну»⁸³.

Лейтмотив неоднократно цитируемого нами историка-монархиста Антона Керсновского неизменен: Русской армии во Вторую Отечественную войну не хватало головы! Не хватало единой командной воли помноженной на грамотную стратегию. И этому он все время находит убедительные подтверждения. Казалось бы, это прямое обвинение в адрес Николая II. Обвинение, которое Керсновский именно в силу своих монархических убеждений не может высказать прямо. Но нет, не все так просто. Тот же историк постоянно подчеркивает достоинства стратегических решений, предлагавшихся государем. Хвалит он его и за занятие должности Верховного. Как это все совместить?

Противоречие тут только кажущееся. Да, Николаю II постоянно приходилось бороться с неприятием (а не сознательной ли обструкцией?) его стратегических рецептов шаблонно мыслящими (или держащими заднюю политическую мысль?) генералами. Удивительно, но у русского самодержца не было такой власти, чтобы просто взять и приказать своим военачальникам сделать то-то и то-то вопреки их аргументам и доводам. Не было именно в силу традиции русского абсолютизма, признававшей за специалистом высший авторитет в сфере его профессиональной компетенции. А последний государь отнюдь не обладал амбициями корифея любой отрасли знаний. Николай II действительно мог чувствовать недостаточную уверенность, предлагая военным специалистам собственные планы.

Будучи одиноким со своим мнением в Ставке, что мог сделать Николай II? Сместить целую когорту высших военачальников и назначить на их место других, слепо повинующихся царскому приказу и не имеющих собственного суждения? Таким путем царь еще вернее мог привести армию и свой престол к гибели. Вся политика Николая II шла иным путем: он стремился выдвигать на высокие посты не тупых исполнителей, а компетентных профессионалов. Иначе он не мог успешно проводить модернизацию страны. Не его вина была в том, что таких людей в его время осталось мало – Николай II наследовал государственный аппарат, формировавшийся столетиями до него.

Сила Николая II – не бояться давать власть людям с самостоятельным суждением – в решающий момент обернулась слабой стороной. Дальше мы увидим, в каком состоянии находились такие люди, составлявшие Совет Министров, летом 1915 года. Независимость их мнения от мнения царя на деле оказалась полной зависимостью от мнения оппозиции. Вот почему с этого времени Николай II был вынужден отойти от прежних принципов кадровой политики и заняться персональным подбором исполнителей исключительно по кри-

⁸³ А.А. Керсновский. Мировая война. С.198.

терию личной преданности⁸⁴. В условиях, когда фрондированием занялась вся верхушка общества, этот критерий приобретал наибольшую важность. Отсюда – частые смены министров, та «министерская чехарда», которая характеризовала царское правительство в конце 1916 – начале 1917 гг.

Преобразуя на новых началах кадровую политику в высшем эшелоне госаппарата, Николай II просто физически не мог одновременно столь же радикально «зачистить» высший командный состав армии. К тому же это было бы чревато и с политической точки зрения: генералы в отставке благодаря своим связям могли быть не менее опасны, чем генералы в Ставке. Наоборот, не трогая их, царь резонно предполагал, что тем самым может рассчитывать на ответную лояльность и с их стороны. В чем, как мы знаем, просчитался. Но это не было результатом мнимой наивности государя.

Просто из двух реорганизаций – правительства и Ставки – Николай II решил первым делом реорганизовать правительство. Такой порядок действий был совершенно логичным. В гражданских кадровых вопросах государь, похоже, действительно разбирался лучше, чем в военных. Да и в конце концов, создать твердое преданное царю правительство было важнее, чем убедить Ставку принять военно-стратегический план царя. При наличии такого правительства победа рано или поздно достижима, а вот при его отсутствии даже победа не гарантирует сохранения режима. Поэтому пусть пока именно эти генералы воображают, что руководят армией. Кроме того, при общем фрондировании элиты, велика ли вероятность, что новый состав высшего командования будет меньше склонен к интригам, чем существующий? Такими, судя по действиям, были соображения Николая II, легшие в основу его политики последних 20 месяцев царствования.

В генеральских обвинениях по адресу Николая II нетрудно увидеть попытку оправдания собственных просчетов и поведения в февральско-мартовские дни 1917 года. Без негодования невозможно теперь читать цитированные выше строки Брусилова про государя, который, как очевидно, обладал глубокими познаниями в военных вопросах и несомненным стратегическим талантом полководца.

Из всех аргументов о пагубности царского решения лично стать во главе армии заслуживает разбора единственно такой. В Могилеве Николай II оказался отрезан от важнейших политических событий, происходивших в столице. Информация о них до него не доходила или искажалась. В динамично, как всегда при революциях, менявшейся обстановке царь был лишен возможности принимать быстрые и адекватные решения. Подтверждение этому видят в запоздалой реакции государя на Февральский переворот. В конечном итоге царь оказался просто в плену у своих генерал-адъютантов, которые в решающий момент «почтительно при- ставили семь револьверных дул к вискам обожаемого монарха»⁸⁵.

Однако еще раз обратим внимание на то, что внутри страны царь боролся, прежде всего, с революцией, а не со своими конкурентами за власть в элитных кругах. Разрабатывая стратегию противодействия революции, он вынужденно ориентировался на опыт 1905–1907 гг., ибо другого у него не было. Этот опыт подсказывал, что глава государства может легче всего оказаться отрезанным от страны, находясь именно в столице. Революция стремится захватить первым делом географические узлы управления страной. Находясь же вне столицы, тем более – в своем военном штабе, царь мог обезопасить себя от первых ударов революции, выиграть время и собрать силы для подавления мятежа. Военная Ставка в Могилеве и должна была стать таким штабом контрреволюции!

Стратегическая обоснованность этого решения Николая II видна как из того, что после падения правительства в Петрограде царь еще несколько дней пользовался свободой действий,

⁸⁴ С.С. Ольденбург. Ук. соч. Т.2. С.226.

⁸⁵ Л.Д. Троцкий. История русской революции. М., 1997. Т.1. С.109.

так и из того, что во время следующего переворота – Октябрьского – Ставка почти на месяц действительно смогла стать оплотом контрреволюции.

Николай II не смог и, очевидно, не мог предвидеть всего, что произойдет. Мог ли он предполагать, что решающий удар самодержавию будет нанесен не революционерами, а теми, в контрреволюционной мотивации которых он был уверен?! Мог ли он ожидать, что «черновую работу» революции – техническое принуждение к отречению царя от власти – сделает его же ближайшее генеральское окружение?!

Безосновательно упрекать царя в том, что он проглядел измену своих генерал-адъютантов. Ничто не дает права так утверждать. Более того, само решение Николая II перенести свое местопребывание в Ставку было вызвано вполне сознательной необходимостью лично и непосредственно следить за военной верхушкой! У государя не было «слепого доверия» ни к генералу Алексееву, ни к генералу Рузскому, ни к кому бы то ни было вообще (кроме, быть может, своей супруги, но и то, судя по письмам, он очень часто оспаривал ее мнение по политическим вопросам и поступал по-своему). Контрреволюционная стратегия Николая II зиждилась в этом случае на вполне рациональном расчете. Он обоснованно ожидал, что, несмотря на любые политические разногласия с самодержавием, военная элита Империи, в случае революции, вновь, как и в 1905 г., окажется на стороне престола – для того, чтобы справиться с общим опасным противником.

Таким образом, главный, как выяснилось уже *post factum*, просчет государя состоял в том, что он считал своих противников в элите людьми разумными, способными предвидеть последствия своих действий. Неадекватность элиты спутала карты не только самодержавному строю. Она, резко проявляясь и в дальнейшем, обрекла на поражение все вообще антибольшевистские силы.

Политиканствующий класс

Благодаря поэту Николаю Некрасову на века оказалась запечатлена реплика известного сановника Ф. В. Ростопчина про элитную молодежь, из которой впоследствии вышли декабристы: «В Европе сапожник, чтоб барином стать, / бунтует – понятное дело. / У нас революции делает знать. / В сапожники, что ль, захотела?» Эта ирония не выглядит ни меткой, ни глубокой. Естественно, руководители восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. собирались, в случае успеха своего выступления, стать руководителями всего Российского государства, то есть не только остаться в рядах элиты, но и повысить свой статус. Да и отмеченная революционность представителей элитных слоев населения не была чем-то исключительно русским, отличавшим нашу страну от Европы.

Многие руководители Великой французской революции или возникшей в ее результате Французской империи были выходцами из рядов дворянства или духовенства: Лафайет, Мирабо, Фуше, Талейран. Сам Наполеон Бонапарт был дворянином. Оппозиционность и даже революционность представителей привилегированных сословий была свойственна не одной лишь России. Это самое обычное явление в истории многих стран и эпох мира.

Дело не только в том, что везде и всегда находятся охотники «ловить рыбу в мутной воде». Сама потребность общества в развитии образования порождает избыток лиц интеллигентных занятий. Эта черта общественного развития особенно резко выступает в эпоху капитализма. Своей профессиональной подготовкой они предназначаются для обслуживания элиты. В то же время лишь небольшая их часть оказывается в состоянии удовлетворить все свои запросы настолько, чтобы в полной мере ощутить себя частью элиты. Причем речь тут идет не только и даже не столько о грубо материальных запросах. Характерной особенностью капитализма является **перепроизводство интеллигенции**. Или, говоря иначе, внутри элиты всегда есть «свои среди чужих, чужие среди своих». Всякая элита неизбежно порождает внутри себя своего двойника, такого коллективного *doppelgänger* – контрэлиты, стремящуюся уничтожить господство прежней элиты. Но при капитализме этот процесс носит стабильный, неизменный характер, что обуславливает перманентную политическую революцию, свойственную этой стадии общественного развития.

Внутриэлитная борьба, как показывает вся человеческая история, ведется с не меньшим ожесточением, чем борьба между классами. Поэтому ее участники могли прибегать к самым крайним методам, среди которых были и внешне революционные. Однако всегда необходимо отличать участие одних элитариев в революционных партиях от участия других элитариев во внутриэлитной оппозиции политическому курсу самодержавия. Хотя временами тактические действия тех и других смыкались, их мотивы и конечные цели оставались различными. Любопытно еще и то, что часть внутриэлитной оппозиции самодержавию вдохновлялась не «левыми», а «правыми» политическими принципами! Это частично относится и к тем, кого мы привыкли числить среди либералов.

Лидер праволиберального «Союза 17 октября» (партии октябристов), собравшего в своих рядах многих видных предпринимателей, А. И. Гучков приобрел политическую известность в 1905 г. своим выступлением против предоставления широкой автономии Царству Польскому. То есть, с точки зрения либеральной партии конституционных демократов (кадетов), Гучков тогда был «монархистом». Однако с 1909 года Гучков становится центром сколачивания активной оппозиции среди крупной буржуазии, помещиков и высших военных. Понятно, что эти люди не стремились к ниспровержению социальных устоев. Наоборот, их мотивом было опасение за судьбу крупной собственности при революции, которой, по их мнению, самодержавие не могло эффективно противостоять. Нужна была, считали они, новая организация государственной власти в интересах имущих классов.

Характерный эпизод произошел в январе 1905 года, когда по велению царя министр финансов В. Н. Коковцов созвал совещание торгово-промышленных деятелей. Его целью было наметить меры для снижения революционных настроений у рабочих. Коковцов предложил предпринимателям программу своего министерства, включавшую: законодательное ограничение рабочего дня, введение обязательного социального страхования рабочих, отмену наказаний за стачки с чисто экономическими требованиями⁸⁶. Капиталисты единодушно отвергли эти предложения. Быть может, они рассматривали массовое рабочее движение, прежде всего, как способ *самим давить* на правительство с целью политических уступок и поэтому не желали снижения остроты рабочей проблемы? Возможно, что и в основании «меценатства», которое оказывали революционным партиям такие толстосумы, как Савва Морозов, лежали те же мотивы.

Растущей и крепнущей российской буржуазии нужна была своя твердая классовая власть, своя диктатура, оптимальная в борьбе с надвигающейся социальной революцией. Эта диктатура должна была всемерно использовать в своих целях современные политические технологии, прежде всего – демагогию о «правах» и «свободах» и манипулирование голосами избирателей. **Самодержавная монархия этим интересам капиталистов не удовлетворяла – она не была ни диктаторской, ни демагогической.** Путь к установлению вождеденной имущими классами «модернизированной» диктатуры неизбежно лежал через свержение самодержавия, то есть через переходный этап конституционных «свобод».

Парламентаризм, начавший развиваться в России после 1905 г., оказал свое влияние и на политическую психологию монархистов. Они усваивали повадки либералов и сами нередко становились в открытую оппозицию мероприятиям правительства, явно поддерживаемым царем, как произошло весной 1911 г. при голосовании в Государственном Совете очередных законопроектов Столыпина. Необходимо особо выделить, что огульная кампания в общественном мнении против пресловутого Григория Распутина, ставшая затем мощным орудием антидинастической пропаганды, была инициирована и развязана именно правыми кругами. Правые же дали лишний и неотразимый аргумент в руки врагам монархии, сами организовав и осуществив убийство Распутина в декабре 1916 г.

Говоря о партийно-политическом спектре предреволюционной России нужно заметить, что представительство в Государственной Думе не отражало народных настроений. Дума избиралась по цензовому закону, который 3 июня 1907 г. был еще сильнее изменен в пользу собственнических слоев населения. Как правые (монархисты и русские националисты), так центристские (октябристы) и либеральные (прогрессисты и кадеты) партии имели широкое представительство в Думе только благодаря неравному избирательному закону. Представителей этих кругов нередко называли в то время «цензовыми элементами», подчеркивая, что их избрание обусловлено ограничениями политических прав для широких масс населения. Не только сторонники самодержавия, но и либеральная оппозиция могла в те годы выдавать себя за «народное представительство» только благодаря неравенству избирательной системы. В этих условиях всеобщее избирательное право, за которое формально ратовали не только кадеты, но и октябристы, на практике стало бы могильщиком этих партий.

Вряд ли сами политические вожди российской буржуазии не видели всей лживости своего позиционирования как «народных представителей» и не осознавали, к каким последствиям для них могут привести всеобщие и равные выборы в законодательный орган. Следовательно, это требование в их программах было демагогией. На практике, в случае замены самодержавия демократическим строем, они неизбежно должны были стремиться либо к фальсификации народного представительства либо к тому, чтобы подчинить интересам имущих классов

⁸⁶ А.Я. Аврех. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С.155.

более левые партии. Они испробовали оба варианта. Второй начал осуществляться задолго до 1917 года и выразился в организации в России **политического масонства**.

Масонские структуры как формы политической организации буржуазии стали создаваться в России с 1907 г. Их консолидация произошла в 1912 г. на конвенте ложи «Великий Восток народов России». Ложа объединила руководящие фигуры как буржуазных (октябристы, прогрессисты, кадеты), так и социалистических партий (социалисты-революционеры или эсеры, социал-демократы меньшевики, трудовики, народные социалисты или энесы). Последние вошли в ложу для консолидации действий с буржуазной оппозицией в целях свержения самодержавия. Но объединение требовало лояльности, поэтому лидеры социалистов становились проводниками политики, формировавшейся в интересах, прежде всего, имущих классов.

Без учета наличия такой надпартийной организации, как «Великий Восток», ничего нельзя понять в событиях, приведших к Февральской революции 1917 г. Но, что не менее важно, без этого учета нельзя понять и последующих событий – причин и всего хода гражданской войны в России. Ведь после свержения монархии эта организация никуда не исчезла. Она продолжала выполнять роль главного координационного центра всей политической элиты России.

Партия большевиков осталась в стороне от этого объединения. От большевиков в «Великий Восток» входил, и то лишь с целью осведомления, деятель среднего уровня, статист (И. И. Скворцов-Степанов). Автономия большевиков от масонской «супер-партии» стала главным фактором сохранения большевиками особой политической позиции в ходе революции 1917 г. и последующих событиях.

Элита и народ

Лидеры оппозиции отлично понимали, что за их претензиями на власть может быть какая-то сила только в том случае, если они мобилизуют в их поддержку широкие массы народа. При этом они не желали, чтобы низы общества сами выходили на политическую арену со своими требованиями. Для давления на власть важен был фон общественных настроений, неблагоприятный для самодержавия. На этом фоне либеральная оппозиция надеялась выторговать власть у верхушки имперской правящей элиты.

В реальности же события пошли не по сценарию либералов. Народная стихия в феврале 1917 года вырвалась наружу. Лишь она была в состоянии на какое-то время вознести либералов на Олимп власти. Но тут же обнаружились непримиримые противоречия между интересами народных масс и вставших у власти элитных группировок, которые лишь хотели использовать народ в своих интересах. Многим в России неизбежность этого конфликта была ясна заранее.

Поскольку оппозиция указывала на царское правительство, на сановников, губернаторов, генералов как на виновных в переживаемых Россией бедствиях, постольку народ с готовностью ее поддерживал. После Февраля 1917 года прежняя оппозиция заняла место самодержавия. **Тогда традиционная неприязнь русского народа к далеким от него правящим сферам, усиленная прежней оппозиционной пропагандой, обратилась против бывшей оппозиции, ставшей властью.**

Спустя четверть века, в 1941–1945 гг., большевики сумели создать необычайно прочное единство народа в гораздо более тяжелой борьбе с врагом. Это единство создано вопреки всем прежним трагическим страницам советской истории, вопреки раскулачиванию, репрессиям и т.п. Такого единства не было в 1914–1917 гг. Это несмотря на то, что царский режим был довольно либерален даже на фоне многих современных ему режимов воюющих западно-европейских стран, а уж при Временном правительстве был беспрецедентный разгул политических свобод. Тем не менее, подлинного национального единства не было. Почему? **Главная причина заключалась в неравномерном распределении тягот войны по слоям населения.**

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. все слои населения были скреплены государством в единую вертикаль. Уровень доходов и привилегий был, как общее правило, прямо пропорционален ответственности людей на конкретных этажах государственной иерархии. Это было понятно, так как всем и за все платило государство, а независимых источников доходов практически ни у кого не было. Элита государства при Сталине отнюдь не обладала иммунитетом от преследования за упущения на своей службе государству. Наоборот, чем больше прав – тем выше ответственность. Это был принцип распределяющей справедливости. Народ видел его и приносил жертвы за это государство, хотя оно подчас было очень жестоким к народу. Но – не избирательно жестоким. Государство было не более снисходительно к министру, чем к рядовому колхознику. Таков был принцип Советского государства в годы величайшей борьбы.

Прежняя Российская империя строилась на сословном неравенстве прав и обязанностей. Соотношение между правами и обязанностями было, как правило, обратно пропорционально. Чем больше прав – тем ниже ответственность, меньше обязанностей, легче наказания. Процесс постепенного уравнивания сословных прав, начавшийся в конце XIX века, был еще далек от завершения. В этом смысле Россия сильно отличалась даже от многих стран, воевавших в Первой мировой войне. Законодательство Франции, Германии, (по ходу Первой мировой – также Англии) не знало, например, таких поблажек людям с образованием (как правило – представителям высших классов) в прохождении военной службы, как в России. Отчасти это объяснялось тем, что процент образованных людей на Западе был намного выше, и если исключить

их из числа военнообязанных, то для западноевропейских армий не хватало бы рекрутов. А Россия берегла свою немногочисленную интеллигенцию. Но и в целом Запад уже (в разных странах – в разной степени) юридически почти изжил сословное неравноправие (фактически оно, правда, дает знать о себе по сей день).

Наряду с патриотами из элитной молодежи, которые с первых дней войны стремились попасть на фронт, были, разумеется, и люди совсем иного склада, причем последние явно преобладали. Иначе не пришлось бы правительству уже в декабре 1914 года отменить бронь от призыва для студентов высших учебных заведений. Ответом стал уход буржуазной молодежи в «земгусары» – показательное явление для общественных настроений.

Спекулируя на выявившихся трудностях государства в деле организации обороны, оппозиционные партии вскоре, под предлогом «помощи правительству», стали создавать различные организации: по мобилизации местной и кустарной промышленности в помощь снабжению армии, снабжения продовольствием, помощи раненым и увечным и т.д. Их деятельность была объединена на высшем уровне созданием в июне 1915 года Главного комитета по снабжению Российской армии, образованного под эгидой Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов (Земгор). Это были объединения гласных (депутатов) местных органов самоуправления – земств и городских дум. Они состояли не только из либералов, но и из правых, однако либеральная струя в этом Комитете сразу возобладала.

Земгор развил бурную, но главным образом – пиарную деятельность, показывая всем, как «общественность», «героически» преодолевая бюрократические препоны, помогает родной армии. Ныне признано, что реальная роль этой организации в помощи Русской армии была ничтожной. В своей преобладающей части материальное снабжение войск осуществлялось силами государственных органов. Благодаря щедрым субсидиям богатых буржуазных оппозиционеров Земгор предлагал своим служащим жалованья значительно выше тех, которые назначались служащим госаппарата примерно за ту же работу. Служба в органах Земгора давала бронь от мобилизации, что сразу привлекло туда множество молодых людей, стремившихся законным образом избежать призыва. Эту сытую армию уклонистов народ и прозвал «земгусарами».

Главная тяжесть мобилизаций и военных потерь падала, прежде всего, на крестьянство, затем – на рабочий класс, и уже потом – на более обеспеченные слои населения. Неизбежное снижение жизненного уровня тоже сказывалось, в первую очередь, на низах общества. В образе жизни элитных слоев с началом войны ничего не изменилось. Для них как будто не существовало Отечественной войны. Отдельные личные исключения не в счет, ибо народ судил по картине в целом. И, опять же, для народа не было существенной разницы между политическими позициями, скажем, Милюкова и Дурново. В его глазах оба они принадлежали к одному господствующему классу, и отношение к ним было одинаковым.

Кучке промышленных и финансовых магнатов (олигархам по-нынешнему) война предоставила возможности баснословной наживы. Процент прибыли на казенных заказах namного превышал таковой в обычное, мирное время. Наживались на этом (на «откатах», как теперь говорят) и крупные госчиновники, по протекции которых эти заказы предоставлялись. Всем вокруг война – горе, а этим – средство обогащения...

Следует упомянуть еще одну немаловажную деталь, которой почему-то уделяют недостаточное внимание в анализе психологических причин революции. С началом Отечественной войны Николай II ввел в стране «сухой закон». Движимый религиозными побуждениями, царь решил использовать момент для решительного шага по пути утверждения народной трезвости. Первоначально это объявлялось мерой военного времени, но государь в беседах с некоторыми приближенными говорил, что собирается продлить эту меру и по окончании войны. Была запрещена не только казенная, но и частная торговля крепкими спиртными напитками. Как представляется, фактор внезапного и всеобщего протрезвления (в буквальном смысле этого

слова) народных масс историки пока не оценили должным образом. Но на фоне всеобщей трезвости военного времени отдельные представители высших классов продолжали кутить не только дома, втихую пропивая прежние запасы спиртного, но и открыто – в элитных ресторанах. Полиция привычно не вмешивалась – ведь гуляют-то господа! Богатым закон не писан?...

Российские либералы, представлявшие интересы и симпатии примерно лишь двух с половиной процентов всего населения страны⁸⁷, надеялись, что смогут править страной одни, без царя. Забыли они предупреждение одного из умнейших представителей либерального лагеря, произнесенное в 1909 году: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной!»⁸⁸

⁸⁷ Если судить по итогам выборов в Учредительное собрание осенью 1917 г.

⁸⁸ *М.О. Гершензон. Творческое самосознание. / «Вехи». В кн.: Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С.101.*

Самодержавие под ударом

Главным и роковым следствием неудачной кампании 1915 года стало не поражение Русской армии, по-прежнему способной нанести врагу сокрушительный удар (что показал последующий Брусиловский прорыв), а **подрыв у нации веры в то, что существующая власть может довести войну до победы**. Этому подрыву вольно или невольно содействовали и статусные «слуги государевы».

В ту тревожную пору лейтмотивом на заседаниях Совета Министров стали постоянные жалобы на вмешательство военных начальников в дела внутреннего управления: «Дезорганизация принимает столь угрожающий характер, что становится страшно за будущее ... Распоряжаются все, начиная от любого предприимчивого прапорщика ... Но министр внутренних дел ничего не может сделать ... Становится невыносимо работать. Все планы, предположения, расчеты нарушаются произволом любого тылового вояки ... Жизнь страны расстраивается, правительственный механизм разлагается, повсюду хаос и недовольство»⁸⁹. Следует заметить, что «Положение о полевом управлении войск», на основании которого действовала Ставка ВГК, создавалось с расчетом, что Верховным главнокомандующим будет сам государь. Поэтому обе власти – военная и гражданская – на театре войны будут объединены в его руках. Казалось бы, из реплик и общего настроения министров логически следовало, что они поддержат замену великого князя царем на посту Верховного.

⁸⁹ Архив русской революции. Т.18. С.18-21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.